ЛОРА
ПЕРСЕЛЛ
БЕЗМОЛВНЫЕ
КОМПАНЬОНЫ
«Захватывающая, жуткая, изящно рассказанная история – прекрасный образец викторианской готики».
The Guardian

Лора Перселл

Безмолвные компаньоны

Серия «Очень странный детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38842064
Л. Перселл. Безмолвные компаньоны: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-109983-1

Аннотация

Когда Элси выходила замуж за аристократа Руперта Бейнбриджа, она верила, что впереди у нее прекрасная беззаботная жизнь. Но судьба распоряжается по-своему. Вскоре после свадьбы Элси теряет мужа и отправляется в заброшенное поместье в английской глубинке, чтобы горевать подальше от людских глаз. Однако и там она не находит утешения: слуги настроены враждебно, кузина мужа ведет себя странно, а главное, всё в старинном доме пропитано страхом…

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 110

Лора Перселл
Безмолвные компаньоны

Laura Purcell
The Silent Companions

© 2017 by Laura Purcell
© Е. Мигунова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается Джулиет

Больница св. Иосифа

Новый доктор застиг ее врасплох. Не то чтобы в его появлении было что-то необычное – врачи приходили и уходили достаточно часто. Но этот был молод. Новичок как в профессии, так и в этом месте. Было в нем что-то светлое, настолько, что глаза начинали болеть.

– Это она? Миссис Бейнбридж?

Миссис. Как это мило. Она не могла припомнить, когда в последний раз к ней обращались именно так. Слова про-

звучали как старая, давно забытая мелодия. Он оторвался от своих записей, поднял глаза, внимательно вгляделся в ее лицо.

– Миссис Бейнбридж, меня зовут доктор Шеферд. Я здесь, чтобы помочь. Чтобы удостовериться, что для вас делается все возможное и вам обеспечен надлежащий уход.

Уход. Ей захотелось встать с кровати, на краешке которой она сидела, взять его под ручку и мягко выпроводить за дверь. Это место было не для невинных. Рядом с ассистенткой, пожилой приземистой ведьмой, он казался таким живым, полным энергии. Крашенные известью стены еще не впитали краску с его лица, не успели заглушить голос, заставив звучать его тускло. В глазах доктора она заметила искорку интереса. Это встревожило ее куда больше, чем хмурый взгляд ассистентки.

– Миссис Бейнбридж? Вы понимаете меня?

– Я вам говорила, – хмыкнула ассистентка. – От нее ничего не добьешься.

Доктор вздохнул и, сунув бумаги под мышку, подошел ближе.

– Такое случается. Обычно после сильных потрясений. Иногда шок так силен, что пациент не способен заговорить. Похоже, верно?

Невысказанные слова так и бурлили в груди. Они так рвались наружу, что у нее болели ребра и пощипывало губы. Но это были лишь призраки, отголоски произошедшего. Всего

того, что она ни за что не хотела бы пережить снова.

Доктор наклонился так, что их головы оказались на одном уровне. Она отчетливо видела его глаза за стеклами очков, широко раскрытые и немигающие. Два светлых кружка, едва подкрашенных мятно-зеленым.

– Это лечится. Временем и терпением. Я видел подобное.

Ассистентка недоверчиво вздохнула.

– Не подходите близко, доктор. Она та еще злюка. Один раз мне в лицо плюнула.

Как спокойно он на нее смотрит. Приблизился настолько, что она почувствовала исходящие от него запахи карболового мыла и гвоздики. Память вспыхнула ярко, словно от кресала посыпались искры. Она не захотела подносить к искре трут.

– Вы не хотите вспоминать, что с вами произошло. Но говорить вы *можете*. Вы, конечно же, очень сильно надышались дыма.

– Да не заговорит она, доктор. Она не дурочка. Понимает, куда в случае чего можно отсюда угодить.

– Но она же может писать? – Он осмотрел палату. – Отчего здесь нет ничего, чем она могла бы писать? Вы даже *не попытались* наладить с ней общение?

– Не решились доверить ей перо.

– Так принесите грифельную доску и мел из моего кабинета, – врач пошарил в кармане и протянул ассистентке ключ. – Принесите их. Прямо сейчас, будьте любезны.

Ассистентка, хмурясь, взяла ключ и поспешила к двери.

Они остались одни. Она чувствовала на себе взгляд доктора – не тяжелый, однако под ним ей было неуютно, как от щекочущего прикосновения ползущего по ноге насекомого.

– Медицина меняется, миссис Бейнбридж. Я не из тех людей, которые прописали бы вам электрический шок или ледяную ванну, – врач наклонил голову набок. – Вы должны знать, что против вас были выдвинуты определенные… обвинения. Кое-кто полагает, что вас следует содержать в помещении с более строгой охраной. Утверждают даже, что вам и вовсе не место в этой лечебнице.

Обвинения. Ей ни разу не объяснили суть обвинений, просто называли убийцей, и некоторое время она старалась хоть как-то оправдать репутацию преступницы: швырялась кружками, царапала сиделок. Но сейчас у нее появилась своя комната, она получала более сильные лекарства, и было жалко сил на то, чтобы играть эту роль. Уж лучше спать. Чтобы забыть.

– Я здесь, чтобы определить вашу дальнейшую судьбу. Но чтобы я мог помочь вам, необходимо, чтобы вы помогали *мне*. Вы должны рассказать мне, что же произошло.

Как будто он смог бы понять. То, что ей пришлось видеть, нельзя постичь его узким научным умишком. Он станет отрицать, что это возможно, до тех пор, пока они не доберутся до него самого и не пожмут его руки своими, обветшалыми и расщепленными.

Доктор улыбнулся, и на левой щеке у него появилась ямочка.

– Понимаю, о чем вы думаете. Все пациенты говорят одно и то же – уверяют, что я им не поверю. Признаюсь, нередко приходится выслушивать бред, но почти не бывает, чтобы он не имел под собой основания. Его порождают некие впечатления и переживания. Даже если все звучит необычно, я все равно хотел бы выслушать ваш рассказ – узнать, что *по-вашему* произошло. Мозг подчас не справляется с той информацией, которую пытается переработать. Он подбирает происшедшему странные, необычные объяснения. Узнав, что ваш разум сообщает о травме, я смогу понять, как он работает.

Она улыбнулась в ответ. То была неприятная улыбка – одна из тех, от которых разбегались сиделки. Доктор и глазом не моргнул.

– И, возможно, нам удастся ваше затруднительное положение сделать вашим преимуществом. Когда возникает психологический шок, он не мешает, а нередко и помогает жертве описать его. Отстраненно. Как будто все случилось с другим человеком. – Скрипнула дверь, это вернулась ассистентка, неся мел и грифельную дощечку. Доктор Шеферд забрал их и шагнул к кровати, протягивая предметы, словно ветвь оливы. – Итак, миссис Бейнбридж. Вы постараетесь? Для меня? Напишите что-нибудь.

Нерешительно протянув руку, она взяла мелок. Странно было ощущать его в руке. Прошло так много времени, что

она не могла припомнить, как это делается. Она поднесла мел к доске и провела вертикальную черту. Раздался скрип – отвратительный, резкий звук, от которого у нее заныли зубы. Она перепугалась, нажала слишком сильно. Кончик мела обломился.

– Я уверен, что с карандашом ей было бы проще управиться. Взгляните, она не опасна. Просто пытается сделать то, о чем ее просят.

Ассистентка сверкнула глазами.

– Пусть это будет на вашей совести, доктор. Со временем принесу и карандаш.

Между тем ей удалось нацарапать несколько букв. Тонких, еле видных, но она боялась сильнее давить на мел. Однако на доске можно было различить дрожащее *Здравст…*

Доктор Шеферд вновь наградил ее улыбкой.

– Ну вот! Продолжайте заниматься. Вы ведь можете постараться, миссис Бейнбридж, и сделать то, о чем я просил? Записать все, что помните?

Проще некуда.

Он был слишком юн. Слишком свеж и полон надежд, чтобы осознать, что и в его жизни случится что-то такое, что он захочет стереть из памяти – что накопятся целые годы из таких невыносимых мгновений.

Ей удалось загнать их так глубоко, что сейчас она могла добраться только до одного или двух. И этого хватило, чтобы лишний раз убедиться: она не хочет выуживать из памя-

ти остальное. Стоило попытаться мысленно вернуться назад, как она видела *их*. Их ужасные лица преграждали путь в прошлое.

Рукавом она вытерла доску и снова стала писать. *Зачем?*

Доктор Шеферд поморгал.

– Ну… А как вы думаете?

Лечение.

– Верно. – Ямочки снова появились. – Хотите, чтобы мы вас вылечили? Выпустили из больницы?

Боже праведный. *Нет*.

– Нет? Но… Я не понимаю.

– Я же вам говорила, доктор, – прозвучал резкий, сорочий голос ассистентки. – Она это сделала, так и знайте.

Она подобрала ноги и легла в постель. Голова раскалывалась от боли. Обеими руками она вцепилась в свою бритую голову, пытаясь удержать мир на месте. Отросшая щетинка колола пальцы. Волосы отрастали, месяц за месяцем пролетало время – здесь, взаперти.

Давно ли это случилось? Год назад – так ей казалось. Можно было бы спросить их, написать свой вопрос на доске, но она боялась узнать правду.

Ей пора принять лекарство, пора заглушить и погасить мир.

– Миссис Бейнбридж? Миссис Бейнбридж, как вы себя чувствуете?

Она не открыла глаза. Довольно, довольно. Четыре слова,

и сказано уже слишком много.

– Возможно, я сегодня был слишком настойчив, – сказал он. Но продолжал топтаться, склоняясь к кровати, беспокоя ее.

Все это неправильно. Она изнывала.

Наконец, она услышала, как доктор выпрямился. Брякнули ключи, заскрипела открываемая дверь.

– Кто следующий?

Дверь закрылась, мгновенно приглушив голоса. Звуки слов и шагов быстро удалялись по коридору.

Она осталась в одиночестве, но это не успокоило ее, как обычно. Вдруг все то, на что она обычно не обращала внимания, показалось до боли громким: громыхание замка, смех где-то вдалеке.

В отчаянии она уткнулась лицом в подушку и попыталась забыться.

* * *

Правда. Она не могла перестать думать о ней в холодные серые часы молчания.

В комнату отдыха не приносили газет – по крайней мере, пока ей было разрешено там находиться, – но слухи имели обыкновение просачиваться сквозь трещины в стенах, под двери. Выдумки репортеров проникли в лечебницу задолго до того, как она сама здесь оказалась. С того дня, как она

попала сюда, за ней закрепилось новое имя: *убийца*.

Другие пациенты, ассистенты и медсестры, даже сиделки, когда думали, что их никто не слышит – все они кривили рты и щерились, произнося и повторяя это. *Убийца*. Словно хотели ее испугать. *Ее*.

Не несправедливость обвинения была ей отвратительна, а сами эти звуки, шипящие, скребущие ей уши, словно… *Нет*.

Она поерзала в постели и, стараясь успокоиться, крепко обняла себя голыми руками, покрытыми гусиной кожей. До сих пор ей ничто не угрожало. Она была в безопасности за толстыми стенами, за собственным молчанием, за прекрасными лекарствами, способными заглушить прошлое. Но новый доктор… Он словно часы, неотвратимым и неумолимым тиканьем сообщающие, что ее время истекает. *Возможно, вам место вовсе не в лечебнице*.

В груди нарастал панический страх.

Снова все те же три возможности. Не говори ни слова, и тебя признают виновной. Конечный пункт: виселица. Не говори ни слова, и каким-то чудом будешь оправдана. Конечный пункт: холодный, враждебный мир, в котором не будет лекарства, чтобы помочь забыться.

Оставалась единственная возможность – правда. Но какова она?

Оглядываясь в прошлое, она могла ясно различить лишь лица своих родителей. Вокруг них неясной массой сгрудились темные фигуры. Пугающие, полные ненависти, которая

изуродовала ей жизнь.

Но в это никто не поверил бы.

В окно светила полная луна, серебристые лучи падали на стену, касаясь ее головы. Она лежала, глядя на них, когда ей в голову пришла мысль. В этом месте хаоса всё вверх ногами. Правда безумна, она не укладывается в рамки здорового человеческого воображения. И потому правда – единственное, что гарантирует, что ее оставят под замком, взаперти.

Спустив ноги с кровати, она соскользнула на пол, оказавшийся холодным и немного липким. Сколько здесь ни прибирали и ни мыли, в воздухе все равно висел запах мочи. Она свернулась в клубочек на полу и посмотрела, наконец, на громоздкое темное пятно в другом конце палаты.

Доктор Шеферд распорядился поставить это там: первый новый предмет в неизменной обстановке. Всего лишь письменный стол. Но это – еще один инструмент, призванный вскрыть склеп и предать эксгумации всё, что она давно похоронила.

С бьющимся где-то в горле сердцем она поползла по полу. Здесь, внизу, ей было как-то спокойней лежать, глядя на ножки с засечками. *Дерево*. Она вздрогнула.

Конечно, здесь у нее нет причин опасаться. Конечно, не могут же они захватить любой кусок дерева и… Это просто невозможно. Но и все, что случилось, тоже было невозможно. Во всем этом не было ни капли здравого смысла. И все же это *случилось*.

Медленно она встала и осмотрела поверхность стола. Доктор Шеферд приготовил для нее письменные принадлежности: бумагу и толстый тупой карандаш.

Она подвинула лист бумаги к себе. В полумраке ей виделась белая пустота, ожидающая слов. Она сглотнула, чтобы унять боль в горле. Как вновь пережить все это? Как справиться с собой и описать это для них, все сначала?

Она вглядывалась в пустой лист, стараясь различить где-то в просторах небытия ту женщину из далекого прошлого.

Бридж, 1865

Я не умерла.

Элси повторяла эти слова, пока ее экипаж колесил по сельским дорогам, разбрасывая во все стороны комья грязи. Колеса чавкали в мокрых колеях. *Я не умерла*. Но ей было трудно в это поверить, глядя на призрак в забрызганном дождем окне – свое отражение: бледную кожу, впалые как у трупа щеки, почти неразличимые под черной вуалью локоны.

Небо над ней было стального серого цвета, однообразие ландшафта нарушали только вороны. Миля за милей, а картина не менялась. Скошенные поля, похожие на скелеты деревья. *Они меня хоронят*, вдруг осенило ее. *Хоронят меня вместе с Рупертом*.

Никто не предполагал, что все так сложится. К этому вре-

мени они уже должны были вернуться в Лондон, открыть дом, распахнуть двери, разливать по бокалам шипучее вино, зажигать свечи. В этом году в моде были яркие цвета. Салоны утопали в небесно-лазурном, лилово-розовом, в пурпуре и парижской зелени. Ее место было там, в центре всего этого: она – желанная гостья на каждом блестящем званом вечере, она идет под руку с хозяином в полосатом жилете, ее приглашает к столу сама хозяйка. Новобрачная всегда пользуется особыми привилегиями.

Но не вдова. Вдова скрывается в тени и скорбно прячется от глаз, погребая сама себя. Она стала русалкой, тонущей в черном крепе, подобно самой королеве. Элси вздохнула и вгляделась в черную пустоту – отражение своих глаз. Должно быть, она плохая, бесчувственная жена, но ей совершенно не хотелось скорбно уединиться. Сидеть в безмолвии и предаваться воспоминаниям о добродетелях Руперта? Этим горю не поможешь. Утешиться можно только переключившись на что-то другое. Она хотела бы пойти в театр, покататься на грохочущих омнибусах. Да что угодно, лишь бы не трястись вот так, одной, мимо бесконечных мрачных полей.

Впрочем, она была не совсем одна. Напротив сидела Сара, уткнувшись носом в толстый том в засаленном кожаном переплете. Читая, она проговаривала слова шепотом, ее широкий рот двигался. Элси уже чувствовала к ней презрение. Коровьи карие с поволокой глаза, в которых не было ни проблеска ума, узкие скулы, тонкие волосы, которые вечно вы-

бивались из-под чепца. Продавщицы в лавках и то, бывало, отличались большей утонченностью.

– Она составит тебе компанию, – обещал Руперт. – А ты пригляди за ней, пока я буду в Бридже. Покажи ей окрестности. Бедная девочка редко выходит из дому.

Он не преувеличил. Его кузина Сара ела, дышала и моргала – иногда она читала. И все. Никаких устремлений, ни малейшего желания улучшить свое положение. Она довольствовалась скромной ролью компаньонки при чудаковатой старой даме до тех пор, пока карга не умерла.

Руперт – добрый кузен – взял ее к себе. А в результате она повисла на шее у Элси.

Желтые широкие, как веера, листья слетали с каштанов и падали на крышу экипажа. *Шлеп, шлеп*. Комья земли на гроб.

Еще час или два, и солнце начало клониться к закату.

– Долго ли еще?

Сара подняла свои остекленевшие глаза.

– Ммм?

– Долго еще?

– До чего?..

Боже милостивый.

– До нашего приезда.

– Я не знаю. Я никогда прежде не бывала в Бридже.

– Что? Вы тоже не видели дома?

От такого старинного семейства, каким были Бейнбри-

джи, можно было ожидать большего интереса к своему родовому гнезду. Но даже Руперт в свои сорок пять лет ничего не мог рассказать об этом месте. Он, казалось, вспомнил о своем наследстве лишь когда стряпчие приступили к составлению их брачного контракта.

– Поверить не могу. Неужели вы не были там даже в детстве?

– Нет. Мои родители часто упоминали парк, но я его так ни разу и не видела. Руперт не проявлял к имению интереса, пока…

– Пока не встретил меня, – договорила за нее Элси.

Ей с трудом удалось сдержать подступившие слезы. Счастливая совместная жизнь была так близко! Руперт поехал вперед, чтобы к весне подготовить поместье для наследника, которому предстояло в будущем стать его владельцем. А что теперь? Он оставил ее одну, а у нее нет никакого опыта управления загородным поместьем. Как ей в одиночку справиться с семейным наследием, неотвратимыми родами, младенцем? Элси представила, как сама нянчит ребенка в обветшалой комнате с потертой уныло-гороховой обивкой и каминными часами, оплетенными паутиной.

Конские копыта мерно чавкали по грязи. Окна запотели. Элси протерла стекло рукавом. Глазам представилась унылая картина. Заросший, неухоженный сад, ветхость и убожество. Из травы, будто надгробные плиты, торчали останки серой кирпичной стены, а вокруг все поросло клевером и па-

поротником. Природа вступала в свои права, заросли ежевики и мох отвоевывали пространство.

Как могло случиться, что дорога к дому Руперта находится в таком состоянии? Он был педантичен и дотошен в делах, силен в математике и держал свои бухгалтерские книги в безупречном порядке. Так как же он допустил, чтобы одно из его владений выродилось в такой кошмар?

Экипаж, затрещав, накренился и вдруг встал как вкопанный. Впереди на козлах чертыхнулся Питерс.

Сара, закрыв книгу, отложила ее в сторону.

– Что там такое?

– Думаю, мы почти у цели, – вытянувшись вперед, Элси изо всех сил вглядывалась в даль. Легкий туман поднимался, змеясь, стелился над бегущей вдоль дороги речкой и окутывал горизонт.

Наверное, Фейфорд уже совсем рядом? Они, кажется, провели в дороге уже много часов. Посадка на поезд в Лондоне, темная, цвета дешевого виски, заря – Элси казалось, что все это происходило с ней неделю назад, а не нынче утром.

Питерс щелкнул кнутом. Лошади всхрапнули и рванули, чуть не оборвав упряжь, но экипаж только закачался.

– Что же делать?

Вновь щелкнул кнут. Зачмокали по грязи копыта.

Стук костяшек пальцев по крыше экипажа.

– Прошу прощенья! Придется вам выйти, мэм.

– Выйти? – переспросила она. – Но мы не можем стоять в такой слякоти!

Питерс соскочил с козел, с всплеском приземлившись. Сделав несколько шагов по жидкой глине, он оказался у дверцы экипажа и распахнул ее. Внутрь тут же заполз туман, игриво завившись у порога.

– Боюсь, выбора нет, мэм. Колесо увязло по самую ось. Нам только и остается, что толкнуть и понадеяться, что дальше лошадки справятся сами. Чем меньше веса, тем лучше.

– Не так уж много весят две дамы, не правда ли?

– Довольно, чтобы лошади почуяли разницу, – сухо ответил кучер.

Элси застонала. Туман прижимался к ее щеке, влажный, как дыхание собаки. Он принес запах реки с густым земляным оттенком.

Сара куда-то засунула свой томик и подобрала подол. Помедлив, она подхватила нижнюю юбку так, что стали видны лодыжки.

– После вас, миссис Бейнбридж.

В других обстоятельствах Элси было бы приятно, что Сара ей уступает. Но сейчас ей меньше всего хотелось выбираться из экипажа первой. Туман поразительно быстро сгущался. Она с трудом различала силуэт Питерса и протянутую ей руку.

– А лесенка? – без всякой надежды спросила она.

– При таком наклоне ее нипочем не вытянуть, мэм. При-

дется вам прыгать. Да тут невысоко. А я подхвачу.

Элси собрала в кулак всю свою волю. Подавив вздох, она зажмурилась и спрыгнула. Питерс в последний момент подхватил ее руками за талию и поставил прямо в грязь.

– Теперь вы, мисс.

Не дожидаясь, пока Сара своей ножищей наступит ей на подол, Элси побрела прочь, то и дело оступаясь. Ей казалось, что она идет по рисовому пудингу. Башмачки скользили и застревали под самыми причудливыми углами. Она не видела, куда ставит ноги, туман вился у колен, застилая землю. Возможно, это и к лучшему – ей не хотелось видеть, как край нового бомбазинового[1] платья волочится по грязи.

Кое-где из тумана выступали деревья – каштаны. Элси никогда не видела ничего подобного; туман не был ядовито-желтым, как знаменитый туман Лондона, и не висел, а *двигался*. Когда серебристо-серые облака отплыли в сторону, открылись потрескавшаяся стена и линия деревьев вдоль нее. Из стены выпали кирпичи, и на их месте теперь зияли щербины, как от выпавших зубов. Приблизительно посередине в стене была пустая, гниющая оконная рама. Элси попыталась к ней присмотреться, но вернулся туман и снова все поглотил.

– Питерс? Что это за мрачное здание?

Промозглый сырой воздух вдруг прорезал крик. Элси, задохнувшись от ужаса, резко оглянулась, но перед глазами

---

[1] Бомбазин – плотная шелковая ткань.

лишь клубилась белая дымка.

– Спокойно, мисс, – раздался голос Питерса. – Все в порядке.

Элси перевела дух и увидела, как облачко пара от ее дыхания смешалось с туманом.

– Что случилось? Я вас не вижу. Сара упала?

– Нет, нет. Я подхватил ее как раз вовремя.

Вероятно, для девушки это было самым ярким впечатлением за целый год. Шутка готова была сорваться с языка Элси, но тут она услышала новый звук: более низкий, более настойчивый. Глухой, протяжный стон. Лошади – должно быть, они тоже это слышали – шарахнулись и захрапели.

– Питерс? Что это было?

Звук раздался снова: гулкий и скорбный. Элси он очень не понравился. Она не привыкла ко всем этим деревенским звукам и туманам – и не желала привыкать. Придерживая шлейф, она неверной походкой поковыляла назад, к экипажу. Но поторопилась – поскользнулась, почва ушла из-под ног, и Элси со всего маху полетела в грязь прямо на лопатки.

Она лежала на спине совершенно ошеломленная. Холодная жижа просочилась в щель между воротником и капором.

– Миссис Бейнбридж? Где вы?

От удара у нее выбило воздух из легких. Боли не было – о ребенке можно было не тревожиться, Элси просто не могла подать голос. Она всматривалась в клубящуюся белизну. Ткань платья насквозь пропиталась влагой. Где-то в дальнем

уголке сознания она оплакивала испорченный черный бомбазин.

– Миссис Бейнбридж?

Странный стон раздался снова, на этот раз ближе. Туман зловеще зашевелился над Элси, словно неупокоенный дух. Она различила у себя над головой чьи-то очертания: к ней кто-то наклонился. Элси слабо застонала.

– Миссис Бейнбридж!

Съежившись в комок, Элси наконец разглядело то, что остановилось в двух дюймах от её лица. Два пустых глаза. Мокрый нос. Черные крылья, как у нетопыря. Оно втянуло воздух, а потом опустилось к ней. *Опустилось*.

Корова. Просто-напросто корова, на привязи – длинной истертой веревке. От пережитого смятения к Элси вернулся голос.

– Кыш! Уходи, мне нечего тебе дать.

Корова не тронулась с места. Элси засомневалась, в состоянии ли она еще двигаться – у животного был нездоровый вид. Голова сидела на тощей жилистой шее, а вокруг торчащих ребер вилась стая мух. Бедная скотинка.

– Вот вы где! – Питерс пинками отогнал корову. – Что стряслось, а, мэм? Вы в порядке? Сейчас я вам подсоблю.

Только с четвертой попытки ему удалось поставить Элси на ноги. Ее платье с трудом оторвалось от липкой трясины. Бесповоротно испорчено.

Питерс не сдержал кривой усмешки.

– Не волнуйтесь, мэм. Все равно, сдается мне, в этом местечке вам наряжаться не придется.

Элси посмотрела ему через плечо – туда улетали, кружась, последние волокна тумана. Да нет же. Это невозможно. Не может же деревенька, выплывшая из дымки, оказаться Фейфордом?

Рядок покосившихся домишек под кронами деревьев, в каждом либо окно разбито, либо дверь просела и покосилась. Трещины и дыры в стенах наскоро замазаны глиной и грязью. Обветшавшая солома на кровлях поредела и покрылась плесенью.

– Не удивительно, что мы застряли, – Питерс махнул рукой в сторону ведущей к домам дороги, больше напоминавшей мутную бурую реку. – Добро пожаловать в Фейфорд, мэм.

– Не думаю, что это может быть Фейфорд, – сказала она.

Откуда-то сзади выплыло бледное лицо Сары.

– А я полагаю, это именно он! – прошелестела девица. – О боже.

Элси только ахнула. Оказаться запертой в деревне – уже само по себе достаточно скверно, но *здесь*? Выходя за Руперта, она рассчитывала поправить свое положение, ей виделась жизнь среди упитанных, довольных крестьян и смиренных арендаторов.

– Постойте-ка здесь, дамы, – сказал Питерс. – А я попробую вытащить колесо, пока туман рассеялся.

Он пошел к экипажу, осторожно ступая по грязи.

Сара подобралась к Элси ближе. Впервые за все время ее присутствие обрадовало Элси.

– Я так надеялась, что мы будем совершать приятные прогулки по сельской местности, миссис Бейнбридж, но, боюсь, как бы не пришлось нам просидеть всю зиму взаперти.

Взаперти. Слово было похоже на ключ, провернувшийся в замке. Старое, еще из детства, чувство, что она в ловушке. Как же она сможет отвлечься от мыслей о Руперте, если придется сидеть взаперти?

Есть книги, с надеждой подумала Элси. Карточные игры. Но немного времени нужно, чтобы все это приелось.

– Миссис Крэббли когда-нибудь играла с вами в триктрак, Сара?

– О да. И еще, конечно… – она замолчала, вытаращив глаза.

– Сара? В чем дело?

Та молчала, повернув голову к домишкам. Элси проследила за ее взглядом. Из окон выглядывали чумазые лица. Никудышные люди, хуже той коровы.

– Это, должно быть, мои арендаторы, – Элси подняла было руку, решив, что надо бы им помахать, но мужество почти сразу покинуло ее.

– Не следует ли нам… – пропищала Сара, – не следует ли нам попытаться поговорить с ними?

– Нет. Держитесь от них подальше.

– Но у них такой жалкий вид!

Она была права. Элси не могла представить, чем можно им помочь. Явиться к ним с корзинкой угощений и прочитать отрывок из Библии? Кажется, именно так делают обычно богатые леди? Почему-то ей казалось, что эти люди едва ли оценили бы этот поступок.

Заржала лошадь. Элси услышала брань и, оглянувшись, успела увидеть, как колесо экипажа, угрожающе клокоча, вырвалось из трясины, с головы до пят окатив Питерса грязью.

– Ну вот, – кисло сказал кучер, покосившись на платье Элси, – теперь нас таких двое.

Когда экипаж стронулся с места и немного проехал вперед, Элси заметила позади полуразвалившуюся церковь, почти руины. Шпиль отсутствовал, на его месте торчал только зазубренный деревянный шип. Здание окружала чахлая желтая трава, вплотную подобравшаяся к надгробиям. Из-под навеса у входа на кладбище за ними кто-то наблюдал.

В животе у Элси как будто запенились пузырьки. Ребенок. Она прижала руку к перемазанному грязью корсажу, а другой ухватилась за Сару.

– Идемте. Вернемся в коляску.

– Ах да, – Сара поковыляла вперед. – Хорошо бы как можно скорее попасть домой!

Элси не разделяла ее энтузиазма. Ведь если деревня оказалась таким крысиным гнездом, неизвестно, что они обна-

ружат в доме…

* * *

Река что-то им нашептывала; торопливый, бесплотный звук. Через поток был перекинут каменный, в пятнах мха мост – должно быть, тот самый, что дал название поместью.

Он ничем не походил ни на один из лондонских мостов. Вместо современной архитектуры и конструкций Элси увидела полуразрушенные арки в водяных брызгах и пене. По обе стороны реки на столбах восседало по паре утративших цвет каменных львов. Это навело ее на воспоминания о Воротах предателей в лондонском Тауэре.

Но сама река не была похожа на Темзу – не мутно-серая и не рыжевато-бурая, а прозрачная. Элси прищурилась, заметив какое-то движение под поверхностью. Там стремительно промелькнуло что-то темное. Рыба?

Когда они перебрались на тот берег, откуда ни возьмись перед ними возникла старенькая сторожка. Питерс придержал лошадей, и экипаж замедлил ход, но навстречу никто не вышел. Элси опустила окно и поморщилась от неприятного ощущения, когда к руке прикоснулся холодный и влажный на ощупь рукав.

– Езжай дальше, Питерс.

– Вижу! – воскликнула Сара. – Вон он, дом!

Дорога шла под уклон к веренице холмов, за которыми

уже клонилось к закату солнце. В самом конце, припав к земле, в полукружии желтых и рыжих деревьев, стоял Бридж.

Элси подняла вуаль. Она увидела приземистое здание времен короля Якова, с тремя фронтонами на крыше, стеклянным световым куполом и красными кирпичными трубами. С карнизов вниз стекал плющ, он же полностью скрывал башни по обе стороны здания. Дом казался мертвым.

Мертвым здесь было всё. Цветники простирались ниц под бессмысленным взглядом окон, живые изгороди увяли и были испещрены дырами. Клумбы были сплошь покрыты сухими стеблями сорняков. Даже лужайки пожелтели и облысели, словно по всей земле медленно распространялась какая-то ползучая зараза. Процветал только чертополох, воинственно вздымая свои фиолетовые пики прямо посреди посыпанной гравием дорожки.

Коляска остановилась на площадке напротив фонтана, составлявшего центральную часть этого пришедшего в упадок участка. Давным-давно, когда камень еще был белым, а скульптурные изображения собак на верхушке фонтана новенькими, всё это, вероятно, выглядело красиво и радовало глаз. Теперь же из кранов не вытекало ни капли воды. По дну пустого бассейна, как живые, вились трещины.

К Элси приблизилась Сара.

– Все высыпали наружу, чтобы на нас посмотреть, – сообщила она. – Вся прислуга!

От неожиданности у Элси защемило сердце. Она слиш-

ком углубилась в разглядывание парка. Теперь и она заметила трех женщин в черном, стоявших у входа в дом. На двух были белые чепцы и передники, а третья вышла с непокрытой головой – Элси разглядела узел жестких, с проседью волос. Рядом с нею навытяжку стоял мужчина.

Элси опустила глаза на свое платье. Подол весь в пятнах, как те ржавые железные ворота. Грязь тянула шелк книзу, мокрая юбка липла к коленям. Что подумает прислуга, когда увидит новую хозяйку в таком виде? Даже в своей фабричной униформе она, пожалуй, выглядела бы чище и опрятней.

– Госпожа должна познакомиться со своей прислугой. Но я, признаться, не думала, что буду при этом выглядеть как пирог из глины.

Внезапно дверца распахнулась. Элси подскочила. Перед ней стоял худощавый молодой человек, облаченный в черный костюм.

– О, Джолион, это ты. Слава богу.

– Элси? Что, черт побери, случилось? – светло-русые волосы рассыпались по лицу Джолиона, как бы подчеркивая написанное на нем недоумение.

– Несчастный случай. Экипаж застрял в грязи, а я упала, – она показала на юбку. – Я не могу знакомиться с прислугой в таком виде. Отправь их в дом.

Он колебался. Щеки под бакенбардами зарумянились.

– Но… Все это выглядит так странно. Что мне им сказать?

– Откуда я знаю! Скажи что-нибудь! – Элси заметила в

своем голосе визгливые нотки и поняла, что слезы подступили опасно близко. – Придумай какую-то отговорку.

– Прекрасно, – отступив, Джолион захлопнул дверцу. Она увидела, как он поворачивает к дому. Ветер игриво поднял завитки волос, ниспадавшие ему на воротник.

– Миссис Бейнбридж… нездоровится. Она намерена сразу же лечь в постель. Разожгите огонь и приготовьте для нее чай.

В ответ послышалось бормотание, но вскоре снова захрустел гравий – Джолион торопливо возвращался к экипажу. Элси вздохнула с облегчением. Ей не придется стоять перед ними – по крайней мере пока.

Из всех людей слуги представлялись Элси самыми строгими и придирчивыми: они ревностно оберегают состояние своего господина, поскольку от него напрямую зависит их собственное благополучие. Когда Элси появилась в лондонском доме Руперта, прислуга высокомерно встретила ее – девушку со спичечной фабрики. Признание, что после смерти матери ей пришлось обходиться без служанки, было встречено холодным презрением. Только уважение к Руперту и его предупреждающие взгляды заставляли их держаться в рамках приличий.

Сара вытянула шею.

– Как же вы справитесь? Вам необходимо поскорее переодеться, пока вас никто не видит. А Рози здесь нет!

Нет. Рози не пожелала расставаться с лондонской жизнью

ради этого захолустья. Элси не могла винить ее в этом. Честно говоря, втайне она даже испытала облегчение. Ей всегда было неловко переодеваться в присутствии горничной, чувствовать прикосновение чужих рук к своему телу. И все же ей предстояло нанять новую, ради приличия. Не хотелось, чтобы ее ославили на всю округу как одну из эксцентричных вдовушек, которых немало в глубинке.

– Полагаю, я сумею справиться сегодня без Рози.

Сара просияла.

– Я могу помочь с пуговками на спине. Я хорошо справляюсь с застежками.

Что ж, одной заботой меньше.

У дверцы снова возник Джолион, распахнул ее и протянул руку.

– Прислуга отправлена в дом. Можно выходить.

Промахиваясь мимо ступенек, Элси кое-как спустилась на россыпь камушков. При виде ее платья Джолион вздернул брови.

– Боже праведный!

Она торопливо отдернула руку.

Пока Джолион помогал Саре спуститься, Элси смотрела на дом. Ничего. Шторы задернуты, превращая окна в непроницаемые черные экраны. Плющ жался к стене.

– Идем же. Сундуки уже унесли в твою комнату.

Они поднялись на невысокое крыльцо, к открытой двери. Элси еще не переступила порог, а в ноздри уже ударил

запах затхлости. Кто-то, впрочем, явно попытался смягчить его более мягкой нотой. Это были ароматы, обычные для бельевого шкафа: лаванда и зеленые травы.

Джолион шел размашисто – он и в Лондоне всегда ходил так, – громко топая по серым, выложенным ромбами плитам каменного пола. Элси с Сарой семенили за ним, с любопытством осматривая дом.

Через входную дверь они попали сразу в Большой холл поразивший их размерами и каким-то древним великолепием. В глаза бросались детали, восходившие к средневековью: рыцарские доспехи, веером размещенные на стенах мечи, изъеденные жучком потолочные балки.

– Вы знали, что здесь однажды останавливался Карл I со своей королевой? – спросила Сара. – Мне рассказывала мама. Вообразите только, они прохаживались вот тут, по этому самому полу!

Элси в эту минуту куда больше интересовал огонь, ярко разгоревшийся за чугунной решеткой. Поспешив к камину, она протянула руки в перчатках к языкам пламени. Ей был привычен уголь, а в этих потрескивающих поленьях и насыщенном, сладковатом аромате их дыма было для нее что-то тревожащее. Этот запах слишком живо напомнил ей доски, из которых на фабрике делали заготовки – спичечную соломку. И то, как они расщеплялись под пилой на узенькие полоски.

Элси отвернулась. По обе стороны от камина располага-

лись две массивные деревянные двери, украшенные металлической чеканкой.

– Элси, – Джолион проявлял признаки нетерпения. – В твоей комнате тоже затопили камин.

– Да, но я… – она обернулась и вдруг почувствовала, как свело мышцы. Лицо будто окаменело. Под лестницей. Поначалу она и не заметила. На восточном ковре стоял стол, а на нем… длинный узкий ящик. – Это?..

Джолион наклонил голову.

– Да. Сначала его поместили в гостиной. Но экономка считает, что это помещение проще проветривать, чтобы воздух был свежее.

Ну конечно: запах трав. Элси попятилась, ощущая, как все внутри сжимается в комок. Ей хотелось запомнить Руперта веселым улыбчивым щеголем, каким он всегда был, а не безжизненной куклой в коробке.

Она прочистила горло.

– Понимаю. Что ж, по крайней мере, когда соседи явятся с соболезнованиями, им не придется бродить по дому.

Навалилась было та страшная апатия, овладевшая ей, когда она впервые услышала о смерти Руперта. Но на этот раз Элси как-то удалось стряхнуть ее с себя. Она не позволяла себе погрязнуть в горе и скорби – только изо всех сил пыталась сделать вид, будто ничего, совершенно ничего не случилось.

– Соседей здесь, судя по всему, не так уж много, – Джоли-

он прислонился к колонне. – Пока что, кроме викария, никто не появился.

Как же все это невыносимо печально. В Лондоне многие сочли бы за честь повидать Руперта в последний раз. Элси в который уже раз пожалела, что не настояла на пышных похоронах в городе – правда, Джолион утверждал, что перевезти тело в Лондон невозможно.

Сара подошла к гробу и уставилась в него.

– У него такой мирный вид. Ах, милый, он заслужил покой. – Она повернулась к Элси, протянула ей руку. – Миссис Бейнбридж, идите сюда, взгляните сами.

– Нет.

– Все хорошо. Подойдите. Вам будет приятно увидеть, как он безмятежен. Это поможет вам справиться с горем.

Элси это показалось крайне сомнительным.

– Не хочу.

– Миссис Бейнбридж…

В очаге взорвалось одно из поленьев. Элси взвизгнула и отскочила. Искры фонтаном осыпали ее платье, мгновенно превращаясь в пепел и падая на ковер.

– Боже, – она прижала руку к груди. – Ох уж эти старые очаги. Я могла вспыхнуть, как факел.

– Едва ли, – Джолион запустил пальцы себе в шевелюру. – Нам нужно подняться наверх до появления прислуги, и… Элси? Элси, ты слушаешь меня?

Из-за того, что она шарахнулась прочь от очага, всё совер-

шилось против ее воли. Она оказалась так близко от гроба, что увидела часть профиля Руперта над белым шелком: серовато-голубой кончик носа, ресницы, волны темных с проседью волос. Отворачиваться было слишком поздно. Она робко приблизилась, ступая так осторожно, будто боялась разбудить спящее дитя. Мало-помалу высокая стенка гроба отступила.

Внезапно ее бросило в жар. Перед ней был не Руперт. Не совсем он. Перед ней лежала подделка, имитация, холодная и безликая, как каменная статуя. Ее напомаженные волосы были аккуратно уложены, не осталось и намека на непокорный завиток, вечно спадавший Руперту на левый глаз. Красные жилки, так оживлявшие щеки Руперта, превратились в чуть заметные серые штрихи. Даже его усы казались приклеенными и нелепо торчали над пересохшей кожей.

Как восхитительно щекотали ее эти усы. Она снова почувствовала их прикосновение к своей щеке, ложбинке над верхней губой. И то, как Руперт всегда смеялся, целуя ее. Смех был талантом Руперта, его даром. Было так странно, неправильно стоять рядом с ним таким, торжественным и безмолвным. Ему бы это не понравилось.

Переведя взгляд ниже, к его подбородку и наметившейся щетине, которая никогда уже не вырастет, Элси заметила на коже Руперта мелкие синие пятнышки. Они вызвали в ее памяти детство и швейную иглу, прижатую к пальцу.

Конечно же, это были занозы. Но откуда занозы могли по-

явиться у него на лице?

– Элси, – голос Джолиона звучал решительно. – Нужно подниматься наверх. Завтра у тебя еще будет достаточно времени, чтобы проститься.

Она кивнула и вытерла глаза. Заставить себя отойти было вовсе не трудно. О чем бы ни думала Элси, стоя у гроба, это отнюдь не было прощанием с супругом. Время для этого было безнадежно упущено, оно ушло с его последним вздохом. Сейчас в ящике лежало только бледное подобие того, что некогда было Рупертом Бейнбриджем.

* * *

Чтобы подняться до потолочных балок Большого холла и оказаться на небольшой площадке, пришлось преодолеть два пролета. Горели только несколько ламп, неровно освещавших красноватые тисненые обои.

– Сюда, – бросил Джолион, сворачивая налево.

Элси пошла следом, поднимая облачка пыли и подметая ковер обвисшей мокрой юбкой. Вид широкого коридора свидетельствовал о былом величии. Вдоль стены расположили диваны, обитые гобеленом, а между ними были расставлены мраморные бюсты со сколотыми краями. Они выглядели ужасно, было невыносимо видеть их мертвенное выражение, крадущиеся по скулам тени, заглядывать в их пустые глазницы. Элси не узнала среди них ни одного знаменитого пи-

сателя или философа. Возможно, бюсты изображали прежних владельцев Бриджа? Она всмотрелась в безучастные их лица, пытаясь обнаружить хоть каплю сходства с Рупертом, но не нашла ни малейшего.

Джолион повернул вправо, а вскоре после этого еще раз влево. Они оказались перед сводчатой дверью.

– Это гостевые апартаменты, – объяснил он. – Я думаю, вам будет здесь удобно, мисс Бейнбридж.

Сара растерянно заморгала.

– Апартаменты, для меня одной?

– О, разумеется, – Джолион скупо улыбнулся. – Ваши вещи уже внутри. Я буду ночевать прямо по коридору, у лестницы для слуг, – он махнул рукой в сторону. – У миссис Бейнбридж аналогичные апартаменты в другом крыле.

Элси подняла брови. Аналогичные апартаменты. Насколько низко она опустилась?

– До чего же мило. Мы будем как настоящие близнецы, – она постаралась убрать из голоса яд, но не была уверена, что это ей удалось.

– Я только устроюсь, – опасливо промолвила Сара, – а потом приду и помогу вам одеться, миссис Бейнбридж.

– Вам незачем торопиться, – сказал Джолион. – Я покажу сестре ее комнаты. Позже мы все вместе отужинаем.

– Благодарю.

Подхватив Элси под руку, брат потащил ее обратно в коридор, откуда они только что пришли.

– Ты не должна обращаться с Сарой, как со служанкой, – прошипел он сквозь зубы.

– Я бы и не стала, но она ничего не делает, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Эта старая девица – прихлебательница, живущая за мой счет, не так ли?

– Она – Бейнбридж, единственная родня Руперта, вся его семья.

Элси помотала головой.

– Это неправда. *Я* была семьей Руперта. *Я* его ближайшая родственница.

– О да, тебе удалось убедить его в этом.

– Да о чем ты, объясни наконец!

Джолион замедлил шаг. Он огляделся по сторонам, проверяя, нет ли поблизости слуг.

– Извини. Я вел себя неучтиво. Ты ни в чем не виновата. Но я думал, что мы с Бейнбриджем договорились, еще до свадьбы, что именно произойдет в подобной ситуации. Это было джентльменское соглашение. Но Бейнбридж…

В сердце Элси закралась тревога.

– О чем ты говоришь?

– Он разве не говорил тебе? Бейнбридж перед смертью изменил завещание. Его поверенный прочитал мне текст.

– Что там сказано?

– Он все оставил тебе. Все. Дом в Лондоне, Бридж, долю в спичечной фабрике. Больше никто не получает ни гроша.

Разумеется, он это сделал. Месяц назад – когда она сооб-

щила ему о ребенке.

Подумать только… после всего, что ей пришлось пережить, она удостоилась счастья выйти за человека заботливого, дальновидного – и потеряла его. *Неосмотрительно*, сказала бы Ма. *Как это похоже на тебя, Элизабет*.

– Что странного в том, что он изменил завещание? Я его жена, я ношу его дитя. Такое решение кажется мне совершенно естественным.

– Вполне. Проживи вы год или два, меня бы оно нисколько не покоробило, – качая головой, Джолион двинулся дальше по коридору.

Элси пыталась не отставать, запомнить дорогу она была не в силах: казалось, что винно-красные стены колышутся, будто полотнища ткани.

– Я все же не понимаю. Руперт был ко мне добр и поступил как ангел, посланный в ответ на мои молитвы.

– Нет, всё не так. Подумай, Элси, подумай же! Как это выглядит? Мужчина, которого все знали как закоренелого холостяка, женится на женщине моложе себя на десять лет и вкладывает деньги в фабрику ее брата. Он переписывает завещание, делая ее единственной своей наследницей. Не проходит и нескольких месяцев, как он внезапно умирает. Человек, казавшийся здоровым, как бык, мертв – и причина его смерти никому не известна.

В груди Элси словно выросли колючие ледяные кристаллы.

– Какие нелепости ты говоришь. Никто не может заподозрить…

– О, все подозревают, уверяю тебя. И об этом идут пересуды. Подумай о спичечной фабрике. Подумай о моем добром имени! Мне одному пришлось выдержать все это, противостоять настоящей буре сплетен.

Элси, споткнувшись, чуть не упала. Так вот почему Джолион настоял на ее отъезде в деревню, вот почему отказался доставить тело Руперта в Лондон: из-за скандала.

Она помнила последний скандал. Полисмены в металлических шлемах, снимающие показания. Слухи, которые вились за ней шлейфом, подобно мушиному рою, и неприязненные, жадные взгляды. Это может тянуться годами. Нужны годы, чтобы скандал утих.

– Боже мой, Джо. Сколько же времени мне и ребенку придется томиться в этом жутком месте?

Брат поморщился. Впервые она заметила боль в его глазах.

– Черт побери, Элси, да что с тобой такое? Я толкую тебе о пятне на нашем добром имени, на репутации фабрики, а ты ни о чем не можешь думать, кроме возвращения в Лондон. Ты хоть немного тоскуешь без Руперта?

Без Руперта ей было как без воздуха.

– Ты ведь и сам знаешь, что это так.

– Ну, должен признаться, ты неплохо это скрываешь. Он был хорошим человеком, прекрасным даже. Без него мы ли-

шились бы фабрики.

– Я знаю.

Джолион остановился в конце коридора.

– Ты живешь здесь. Надеюсь, обустроившись, ты хотя бы ради приличия предашься скорби.

– Я скорблю по мужу, – резко ответила Элси. – Просто моя скорбь выглядит иначе, чем твоя.

Оттолкнув брата, она распахнула дверь, а войдя, с силой захлопнула ее за собой.

Закрыв глаза, она прислонилась к двери спиной, постояла так и без сил сползла на пол. Джолион всегда так. Не следует принимать его слова близко к сердцу. Младше ее на двенадцать лет, он легко выходил из себя, давал волю чувствам, слезам. Стойкость и терпение были по части Элси. И кто скажет, что это было неправильно – то, что она держала маленького Джолиона в неведении, скрывала, какие страдания выпали на ее долю?

Прошло несколько минут, и Элси полностью овладела собой. Она потерла лоб, открыла глаза. Перед ней была просторная комната, чистая и светлая, с окнами на двух стенах. Одно окно выходило на деревья в рыжей листве, росшие полукругом вокруг дома. Другое смотрело на восточное крыло, куда поселили Сару. В углу стоял ее багаж. В камине потрескивал огонь, а за ним Элси с радостью обнаружила столик для умывания. Над большим кувшином поднимались струйки пара. Горячая вода.

Она услышала голос Ма – ясно, как живой. Глупая девчонка, и что ты разнюнилась, как маленькая. Давай-ка смоем прочь все дурные мысли.

С трудом поднявшись на ноги, Элси стащила с рук перчатки и начала умываться. Воспаленным глазам сразу стало легче, а полотенце для лица оказалось на удивление мягким – как ни неприветлив этот дом, винить в чем-то экономку у нее не было оснований.

У дальней стены высилась массивная, розового дерева кровать с балдахином. На ней лежали кремовые постельные принадлежности, расшитые цветами. Позади стоял туалетный столик с занавешенным черной тканью трехстворчатым зеркалом. Элси вздохнула. Первое зеркало, которое она увидела с тех пор, как выехала из Лондона. Что ж, пора оценить ущерб, нанесенный ей падением в грязь.

Она повесила полотенце на крючок, подошла к трельяжу и присела на низкий табурет. Собравшись с духом, отдернула черную материю. Какой глупый предрассудок: закрывать зеркала, чтобы мертвец не попал в ловушку. В зеркалах, разумеется, никого не оказалось, кроме трех светловолосых женщин с карими глазами, каждая в весьма плачевном состоянии. Ее прозрачная вуалетка сбилась и висела на шее, точно попавшая в сеть ворона. Вокруг лба вились мелкие кудряшки, растрепанные ветром, а на правой щеке, несмотря на умывание, остались грязные разводы. Элси снова принялась тереть щеку, пока не отмыла дочиста. Какая удача,

что она не предстала перед прислугой в таком виде.

Она медленно подняла ноющие от усталости руки, чтобы снять капор с вуалью, а затем приступила к нелегкому делу – начала вынимать шпильки из волос. Пальцы действовали не так ловко и проворно, как раньше – она все же привыкла к услугам Рози. Но и Рози, и все удобства прежней жизни остались в прошлом, за много миль отсюда.

Шпилька запуталась в волосах, и Элси охнула от боли. Она уронила руки, сверх меры раздосадованная этой мелочью. Как все это случилось? – спросила она у растрепанных женщин, сидящих перед ней. У них не было ответа.

Здешнее зеркало было холодным и беспощадным. В нем не было той очаровательной, улыбающейся невесты, которая смотрела на Элси из зеркала еще совсем недавно. Невольно в памяти возникла сцена: за спиной у нее стоит Руперт и ласково водит щеткой по ее волосам. Гордость на его лице, солнечные зайчики на серебряной щетке. Чувство безопасности и полного доверия – такая редкость – при взгляде на его отраженное в зеркале лицо. Она могла бы любить его.

Брак их был заключен по чисто деловым соображениям – союз, призванный обезопасить вложения Руперта в спичечную фабрику, но в тот вечер она увидела в нем мужчину и осознала, что может его полюбить. Увы, им было дано все, кроме одного – времени.

Стук в дверь заставил ее вздрогнуть.

– Вам нужна помощь с застежками? – голос Сары.

– Да. Входите, Сара.

Сара сменила дорожный костюм на видавшее виды платье. Черная ткань кое-где полиняла неровными пятнами. Выглядела она не слишком прилично, но, по крайней мере, заплела и уложила свои мышиные волосенки.

– Вы уже выбрали платье? Я могу спросить у служанок, есть ли у них утюг…

– Не нужно. Пожалуйста, просто вытащите ночную сорочку.

Раз Джолион желает, чтобы она предавалась скорби, так тому и быть. Она поведет себя в точности так, как вел себя он после смерти Ма. Его это должно устроить. Она будет хныкать, сидя тут, наверху – пусть сам убедится, как раздражает такая никчемность.

Отражение Сары в зеркале заломило руки.

– Но… ужин…

– Я не спущусь. У меня нет аппетита.

– Но… но я не могу ужинать наедине с мистером Ливингстоном! Что скажут люди? Мы с ним едва знакомы!

Элси в раздражении встала и принялась искать сорочку сама. Неужели Сара действительно служила компаньонкой у пожилой леди? Верится с трудом. Вряд ли ей позволяли вот так стоять сложа руки и спорить с хозяйкой.

– Чепуха. Вас с Джолионом должны были представить друг другу на свадьбе.

– Я не была на вашей свадьбе. Миссис Крэббли тогда за-

хворала. Вы не помните?

– О, – Элси ненадолго замолчала, вытащив из чемодана сорочку и приложив к лицу. – Разумеется, нет. Это простительно, вы понимаете. Тот день… – Она опустила глаза на белоснежную хлопчатобумажную ткань. – Он пролетел, словно в каком-то счастливом тумане.

Знаменитое хонитонское кружево, цветы флердоранжа. Она уже и не мечтала, что станет невестой. Девице тридцати пяти лет неприлично предаваться подобным фантазиям. А в случае Элси перспектива замужества была совсем маловероятной. Она уже отчаялась встретить человека, которому могла бы доверять, но Руперт – о, он был совсем другим. В воздухе что-то неуловимо менялось от одного его присутствия, чувствовалось какое-то легкое дуновение добра.

– Я понимаю, – отозвалась Сара. – А теперь, прошу, подойдите сюда. Посмотрим, что с платьем.

Элси с большим удовольствием переоделась бы сама, но выбирать не приходилось. Она ни за что не призналась бы кузине Руперта, что у нее есть крючок для расстегивания пуговиц – такими пользовались только женщины предосудительного поведения.

Сара действовала проворно – ее пальцы сначала порхали над плечами Элси, потом все ниже, до пояса, почти не задевая ее, как легкие капли дождя. Шелестя, платье упало ей в руки.

– Какая чудесная материя. Я от души надеюсь, что грязь

отойдет, не оставив следов.

– Вас не затруднит отнести его вниз? Надеюсь, здесь найдется служанка, которая без лишней воркотни возьмется его постирать.

Сара кивнула. Она сложила платье и прижала его к груди.

– А… остальное? – Она робко указала глазами на каркас для юбки – клетку из пружинной стали и крючков, крепко державшую Элси. – Вы сумеете справиться?..

– О да, – Элси смущенно положила руки на завязки, державшие кринолин. – У меня не всегда были служанки, вы же знаете.

Сара вдруг надолго замолчала и замерла в неподвижности, так что у Элси побежали мурашки. Глаза кузины Руперта, прикованные к Элси где-то в области талии, расширились, потемнели и странно блестели.

– Сара?

Сара встрепенулась.

– Да. Очень хорошо. Уже иду.

Элси в недоумении опустила взгляд на свое тело. Почему Сара так на нее уставилась? Ощутив болезненный, как от удара током толчок, она поняла: руки. Она сняла перчатки, когда умывалась, и обнажила кисти во всем их уродстве. Рабочие, натруженные руки фабричной работницы. Не руки леди.

Но прежде чем Элси смогла что-то сказать в свою защиту, Сара отворила дверь и вышла.

Больница св. Иосифа

Это обнаружилось на следующее утро. Не успев оторвать голову от подушки и протереть сонные глаза, она сразу увидела это. Недоброе. Уродливое.

Она выбралась из постели, зашлепала босыми ногами по холодному полу. Это висело перед ней. Она прищурила глаза. Смотреть было больно, слишком ярко, но она не решалась отвести взгляд. Желтое. Коричневое. Закрученные линии и пятна.

Это появилось без ее ведома. Вдруг, если отвернуться, оно передвинется? Оно не издавало звуков, а казалось, что пронзительно кричит, так что у нее лопалась голова.

Она не могла вернуться в постель, нужно было следить за ним и удерживать на месте. В высоких окнах появился дневной свет, мощный и белый, как больничные стены. Его лучи ползли по полу, мимо нее. Наконец, щелкнула дверь.

– Миссис Бейнбридж.

Это был доктор Шеферд.

Не оборачиваясь, она подняла трясущуюся руку и вытянула указательный палец.

– Ах вот что. Вы увидели картину, – движение воздуха: это врач подошел и встал у нее за плечом. – Надеюсь, она вам понравится.

Молчание затягивалось.

– Она оживляет это место, не так ли? Я подумал, что, раз уж вам не позволено выходить с другими пациентами в комнату отдыха и прогулочный двор, то немного ярких красок могут скрасить положение, – доктор перенес вес тела на другую ногу. – Наша лечебница развивается именно в этом направлении. Мы больше не томим пациентов в унылых камерах. Теперь здесь – пристань страждущих, где их ждет исцеление. Здесь все должно быть радостным, бодрить.

Сейчас она разглядела, что пытался изобразить художник: сценку в детской. Освещенная солнцем комната и мать, склонившаяся над колыбелью. Платье на ней желтое, словно одуванчик, волосы отливают золотом. На столике в вазе букет белых роз.

– Картина… Она вас расстроила, миссис Бейнбридж?

Она кивнула.

– А почему, хотелось бы знать? – поскрипывая туфлями, он достал ее грифельную дощечку. Хотя записывать свою историю ей, безусловно, было удобнее карандашом, доска и мел облегчали общение. Доктор Шеферд сунул то и другое ей в руки. – Поведайте мне.

Снова. Он долбил ее, будто долотом откалывал кусок за куском. Видимо, таков его план, догадалась она. Расколупывать ее по дюйму – еще одно признание, еще одно воспоминание, пока она не иссякнет.

Они уже приходили по ночам: сны, которые на самом деле были вспышками воспоминаний. Образы, полные крови,

дерева и огня. Она не хотела их видеть. До какой степени ей еще нужно углубиться в это отвратительное прошлое, чтобы он счел ее неуравновешенной и оставил, наконец, в покое?

– Вам не нравится колорит? Эти краски не поднимают вам настроение, не напоминают о лучших, более счастливых временах?

Она затрясла головой. *Счастливые времена*. Он полагает, что в ее прошлом было такое.

– Мне жаль, что я причинил вам беспокойство. Поверьте, я только хотел порадовать вас, – доктор вздохнул. – Вы не могли бы сесть? Как только мы закончим, я распоряжусь, чтобы картину убрали.

Не отрывая взгляд от пола, она забралась на кровать и села, вцепившись в доску и мел так, словно это было оружие. Словно они могли ее защитить.

– Не принимайте близко к сердцу эту маленькую неудачу, – продолжал он. – Я доволен вашим прогрессом. Я прочел то, что вы написали. Вижу, вы последовали моему совету описывать события так, как будто они происходили с кем-то другим.

Она не могла поднять на него глаз – слишком ее пугала картина, висящая на стене. Эти мазки кисти, эта рама. Доктор выдавил из себя неловкий смешок.

– Память причудлива. Удивительно, какие детали вам удалось припомнить. Эта корова…! Разве не забавно?

Она поднесла мел к доске, все еще неловко. *Корова – не*

забавно.

Доктор опустил голову.

– Я не имел в виду… простите меня. Я не должен был смеяться.

Да.

Но в действительности она завидовала тому, что он смеялся. Завидовала самому факту, что он еще *способен* смеяться.

Веселье, разговоры, музыка – все это казалось ей древними реликвиями, отголосками того, что умели ее дальние предки, но что не имело никакого отношения к ней.

Она уставилась на доску.

– Вы так пристально глядите на доску. Что вас тревожит?

Когда она писала ответ, пальцы сильно дрожали. *Дерево*.

– Дерево. Вам не нравится дерево?

Слово вызвало в памяти другие звуки: визг пилы, шум захлопнувшейся двери.

– Интересно. Чрезвычайно интересно. Разумеется, после пожара и вашей травмы… Может, причина в этом?

Она молча взглянула на него из-под полуопущенных ресниц.

– Вероятно, именно поэтому вы испытываете неприязнь к дереву. Потому что оно напоминает вам о пламени. Потому что оно горит.

Пламя?

Он был слишком проворным. Он жил в три раза быстрее, чем она в своем сонном от лекарств, словно подводном мире.

Уж не из-за ее ли рук, покрытых шрамами, ей никогда не давали взглянуть на себя в зеркало? Уж не пострадала ли она от пожара?

– Хотя, конечно же, причины могут быть и другими. Я внимательно штудирую вашу историю болезни, – впервые она обратила внимание на бумаги, которые доктор носил под мышкой. Он выложил их на стол: это ее прошлое было там разложено, бесстыдно, словно труп на столе прозектора. – Я узнал, что вы росли на спичечной фабрике, принадлежавшей вашему отцу, что после его кончины ею управлял опекун, до достижения совершеннолетия вами и вашим братом. Думается мне, что вы повидали немало древесины и огня там, на фабрике.

Как, и это тоже? Ничего сокровенного – он готов разворошить всё.

В ее сердце проникло сомнение, и доктор, должно быть, это заметил, потому что сказал:

– Я уверен, что вы понимаете: мною, моими исследованиями движет не праздное любопытство. Это не только желание вас вылечить – хотя я очень надеюсь, что сумею сделать и это тоже. Руководством больницы и полицией мне поручено составить рапорт. – Доктор взял со стола два листа бумаги и подошел ближе. – Когда вы только поступили сюда, ни у кого и мысли не было подвергать вас допросу. Слишком тяжкими были ваши ранения.

Он показал ей первый листок: вырезка из газеты с ил-

люстрацией. Зернистое изображение какой-то фигуры, замотанной в бинты, с темными пятнами там, где, очевидно, кровь просочилась сквозь ткань.

– Однако теперь вы оправились – не душевно, но по крайней мере физически – и появилась надежда установить причину пожара, ведь это очень важно.

Не хочет же он сказать… Эта мумия на газетной вырезке – не может же быть, что это *она*? Ее охватил панический ужас. На газете стояла дата – больше года назад. Вот сколько времени прошло, а она почти ничего не может вспомнить – разве что только корову, да размалеванные лица деревянных фигур.

Доктор присел на кровать рядом с ней. Она отшатнулась. Тепло его тела, его запах – все это было слишком реальным.

– Были обнаружены останки четырех человек. Двое уже опознаны, их смерти зарегистрированы. Наша задача определить, кто другие двое. – Пальцем он поправил очки на переносице. – По всей вероятности, будет проведено дознание. Учитывая ваше теперешнее состояние, меня, возможно, будут просить стать посредником и выступать от вашего имени. Теперь вы понимаете, почему я так настойчиво пытаюсь получить от вас какие-нибудь сведения. Докопаться до истины. Я хочу помочь.

Он повторял это на разные лады. Только от повторения эти речи звучали еще более фальшиво. Судя по всему, на самом деле, расследуя ее дело, он хотел продвинуться по служ-

бе.

Но, верит она ему или не верит, Шеферд прав в одном: она должна выступить с заявлением. Как это ни мучительно, необходимо поторопиться и вспомнить всё, что было, а не то как бы не окончить свои дни, болтаясь в петле.

Нет, виселица ее не пугала. Видит Бог, ее здесь слишком мало что держит, ей незачем жить. Но что-то (инстинкт, подумала она, таящийся где-то в глубинах ее существа) боролось за жизнь с яростью дикого зверя. Она не хотела умирать – только спать, быть в безопасности, здесь. В надежном коконе из белых стен и лекарств.

Золотистые искры мелькнули перед глазами. Его очки – он низко наклонился, заглянул ей в лицо.

– Возможно, вы еще не вспомнили всего, но я уверен, мы справимся с этим вместе – разбудим дремлющую часть вашего сознания.

Она отодвинулась от него, кровать заскрипела. Прижимая мел к доске, она начала писать, боязливо косясь в его сторону. Скрип, скрип. Вот какой теперь у нее голос: резкие, пронзительные нечленораздельные звуки.

Где был пожар?

Брови доктора Шеферда поползли вверх.

– Вы не помните пожар? Свои ранения?

В мозгу роились смутные образы. Она вспомнила, как боль тысячами насекомых впилась ей в спину. Отрывочные воспоминания: какие-то медсестры, сиделки, запахи ле-

карств. Все это было слишком давно – чтобы добраться и увидеть все четко, ей придется разматывать множество слоев, один за другим.

Положив руку ей на плечо, доктор Шеферд вынул мел из ее пальцев. На миг ей показалось, что он хочет взять ее за руку. Но тут же стало ясно, что дело не в этом: он показывал ей блестящую, пятнистую кожу на ее же запястье. Бережно он засучил длинный рукав ее ночной сорочки. Вокруг локтя кожа была изрыта розовыми пятнами, бесформенными, сморщенными, как старый засохший плод. Шрамы от ожогов были страшно глубоки, им никогда не разгладиться. Да, теперь она поняла. Это ожоги. Почему до сих пор это не приходило ей в голову?

– А вот, – он протянул к ней руку, – фотография, сделанная несколько недель назад. Узнаете?

Она вспомнила вспышку и дым, которые каждую ночь взрывались у нее в голове. Но, когда доктор положил снимок ей на колени, она увидела перед собой чужое, незнакомое лицо. Женщина – во всяком случае, полосатое платье и платок, повязанный на шее, позволяли предположить, что это женщина. Но волосы ее неровно острижены и пучками торчат на испещренном пятнами черепе. Щеки обтянуты бугристой, потемневшей кожей. Один глаз провалился и ушел под нижнее веко.

Внизу она прочла свое имя.

Элизабет Бейнбридж. Задержана по подозрению в под-

жоге.

Бридж, 1865

Элси вздрогнула от стука в дверь и ошеломленно огляделась. Пасмурная серость дня незаметно сгустилась в угольно-черный осенний вечер. В камине догорал огонь. На туалетном столике мерцала единственная свеча, окутанная погребальным саваном из наплывов воска. Постепенно пришло осознание: она застряла в глуши – а Руперт мертв.

Стук повторился. Схватив кружевные перчатки, Элси поспешно их натянула.

– Войдите, – хрипло крикнула она. В пересохшем рту был омерзительный привкус. Сколько же она спала?

Дверь со скрипом открылась. Звякая фаянсом о металл, в проеме появилась невысокая молодая женщина лет восемнадцати, с подносом. Она переступила порог и вошла.

– Мэм, – она поставила поднос на туалетный столик, повернула рычажок на газовой лампе и зажгла ее, поднеся свечу.

Элси хотелось протереть глаза. Наверное, ей просто мерещится – или это и в самом деле ее горничная? Перепачканная, будто только что от плиты, на грубом переднике полоски сажи. Лицо не назвать совсем уж неинтересным – у девушки были длинные ресницы, а пухлые розовые губы даже могли бы показаться милыми, не будь они дерзко искривле-

ны. Чепца на ней не было. Темные волосы были разделены на строгий прямой пробор и скручены на затылке узлом.

И подобные существа считаются в этих краях горничными? Догадайся Элси об этом раньше, она могла бы не переживать из-за собственной наружности.

– Мэм, – повторила девушка и, спохватившись, запоздало присела в реверансе. Поднос задребезжал. – Мистер Ливингстон сказал, что вы, наверное, проголодались.

– Ах, – Элси было сложно с этим согласиться: сочетание запахов, идущих от подноса, казалось ей в равной мере аппетитным и тошнотворным. – Да. Очень любезно с его стороны. Оставь поднос.

Она откинулась на подушку.

Девица подошла ближе. Ничего похожего на изящную походку вышколенной лондонской прислуги. От ее тяжелых шагов молочник подскакивал, а из тарелки выплеснулся суп. С размаху опустив поднос Элси на колени, она отошла и присела в очередном реверансе.

Элси не знала, смеяться ей или чувствовать себя оскорбленной. Девица была совершенно неотесанной.

– И как тебя?…

– Мейбл Казинс. Я горничная, – говорила она тоже странно: что-то среднее между скороговоркой кокни и тягучим деревенским говором. – Мэм.

Элси догадалась, что Мейбл, вероятно, не слишком часто позволяют подниматься на второй этаж. Видно, им так не

хватает работниц, что к ней отправили первую попавшуюся. По тому, как девушка пожирала глазами ворох платьев Элси на полу и кружевной воротничок ее ночной сорочки, можно было решить, что она в жизни не видала этакой роскоши.

– Ты прибираешь в доме? Или помогаешь на кухне?

Мейбл пожала плечами.

– Просто горничная. Я да Хелен. А других-то нет.

– Что ж, понятно, следовательно, вы с ней – прислуга за всё, выполняете всю работу.

– Как вам будет угодно. Мэм.

Элси поправила на коленях поднос. Над желтовато-коричневой, с вкраплениями травок поверхностью супа поднимался пар. Рядом примостилось блюдо с жареным мясом и комковатой субстанцией кремового цвета, по виду похожей на фрикасе из курицы. Элси была голодна, но при мысли о еде желудок чуть не вывернулся наизнанку. Поморщившись, она все же взяла ложку и зачерпнула капельку супа.

С удивлением она заметила, что Мейбл до сих пор стоит с ней рядом. Бога ради, что она здесь делает?

– Ты можешь идти, Мейбл. Мне больше ничего не требуется.

– Ой, – она наконец-то изволила покраснеть. Вытерла ладони о замызганный передник, сделала очередной неуклюжий реверанс. – Извините, мэм. В Бридже уже лет сорок с гаком не было хозяйки. Мы непривычные.

Элси опустила ложку, и суп вылился обратно в тарелку.

– В самом деле? Так долго? Странно, очень странно. Хотела бы я знать, почему так получилось?

– Здесь было много слуг, да они все померли, я думаю. В старину. Господам не нравилось здесь жить. Я слыхала разговоры в деревне – что-то насчет скелета, который здесь выкопали при короле Георге. Скелет в парке! Представить только!

Парк и сам выглядел таким безжизненным, что это известие даже не слишком удивило Элси.

– Неужели! Ты, полагаю, росла здесь, в деревне, в Фейфорде?

Скрипучий смех заставил ее подскочить. Служанка откинула назад голову и хохотала, как вульгарная женщина в музыкальном театре.

Это недопустимо – это совершенно недопустимо.

– Чем я тебя насмешила, Мейбл? – сухо спросила она.

– Господь с вами, мэм, – уголком передника Мейбл промокнула глаза. – Никто из деревенских здесь не работает.

– С чего бы это?

– Боятся они этого места. До смерти боятся.

Что-то сдавило ей горло. Предубеждение? Дурное предчувствие? Как бы то ни было, нельзя, чтобы Мейбл заметила ее состояние.

– Что ж, должна сказать, что это очень глупо. Ведь это был всего-навсего скелет. Бояться нечего, не так ли? – Мейбл пожала плечами. – Ступай, Мейбл.

– Слушаюсь, мэм, – она развернулась без реверанса, при-

крутила лампу и вышла, не потрудившись затворить за собой дверь.

– Мейбл! – окликнула Элси. – Вы по ошибке оставили меня без света, я не вижу…

Но – Элси слышала – Мейбл уже тяжело топала вниз по лестнице.

* * *

Никто не явился, чтобы закрыть дверь или унести еду. Потеряв надежду, Элси поставила на пол поднос с нетронутым ужином и вновь упала на подушки.

Когда она проснулась, было темно, как под траурной вуалью. Огонь догорел, в комнату прокрался холод. Запах проклятого супа до сих пор витал в воздухе, заставляя желудок болезненно сжиматься. Как горничная могла вот так бросить его здесь гнить и киснуть? Утром непременно нужно поговорить с экономкой.

Тогда-то она и услышала этот звук: тихий скрежет, точно пила вгрызается в дерево. Элси замерла.

Правда ли она что-то слышала? В темноте чувства могут быть обманчивыми. Но звук повторился. *Ш-ш-ш*.

Этой ночью она не хочет больше ломать себе голову над проблемами. Конечно же, если укрыться с головой, то шум прекратится. *Ш-ш-ш, ш-ш-ш*. Ритмичный, невыносимый звук. *Ш-ш-ш, ш-ш-ш, ш-ш-ш*. Что же, *что* это такое?

Наконец глаза различили неясный сероватый свет. Элси сползла с кровати медленно, на коленях, двинулась в ту сторону и в конце концов уткнулась рукой в твердую гладкую поверхность. Дверь. С трудом поднявшись на ноги, она нащупала ручку и, потянув на себя дверь, распахнула ее.

В коридоре было светлее. Она прошла несколько шагов, утопая босыми ногами в пыльном ковре. От каждого шага в воздух поднимались облачка.

Ничто не указывало на источник странного звука. Кругом стояла тишина. Сквозь стеклянный купол в коридор проникали серебристые лунные лучи, и мраморные бюсты поблескивали под ними.

Ш-ш-ш, ш-ш-ш. Элси пошла на звук. Необходимо его остановить – она ни за что не уснет под такой аккомпанемент. *Ш-ш-ш, ш-ш-ш.* Звуки становились быстрее, неистовее. Невольно шагая им в такт, она миновала галерею и свернула к лестнице. Теперь она была уверена, что шум раздавался сверху.

Лестница привела ее на тесную площадку с выбеленными стенами. Верхний, мансардный этаж здания, по традиции отведенный прислуге. Элси шла на звук, по коридору, под стеклянным куполом, пока на смену путеводному лунному свету не пришел полумрак. Мягкий ковер под ногами уступил место холодным плиткам. Элси зябко дрожала, жалея, что не набросила на плечи покрывало или плед. В хлопчатой с кружевом сорочке она чувствовала себя маленькой и

слабой.

Она остановилась, чтобы перевести дух и собраться с мыслями. На стене над головой виднелся бледный желтый круг.

Ш-ш-ш, ш-ш-ш. Звук слышался ближе. Элси шагнула было вперед – и тут же отдернула ногу, которой что-то коснулось.

– Черт побери! – вскрикнула она и, покачнувшись, чуть не потеряла равновесие. – Черт, черт.

По плитке зацокали чьи-то коготки. Она не осмелилась посмотреть, кому они принадлежат. Скребущий звук пилы теперь слышался отовсюду, будто глас Божий. А снизу раздавались другие, ритмичные звуки. Чьи-то шаги.

В темноте навстречу ей плыл желтый шар.

Элси судорожно обхватила себя руками, не представляя, что ее ждет.

Шар приближался. За ним замаячила женская фигура, от нее по плиткам протянулась тень. Женщина увидела Элси, ахнула – и они снова погрузились во мрак.

Ш-ш-ш, ш-ш-ш. И опять что-то теплое и мягкое коснулось ее икры. На сей раз Элси не выдержала и закричала.

– Миссис Бейнбридж? – последовал звук, походивший на треск рвущейся ткани. Затем чиркнула спичка. Из темноты показалось лицо в мерцающем ореоле. Женщина, пожилая, вся в морщинах. – Боже правый! Это вы, миссис Бейнбридж, на ногах, в такой час? Ох, и напугали же вы меня. Я даже свечу задула.

Элси хватала воздух ртом, пытаясь обрести твердую почву под ногами.

– Я поднялась… Этот звук… – не успела она закончить, как снова раздалось это кошмарное *ш-ш-ш, ш-ш-ш*.

Женщина кивнула. Ее светлые, подернутые влагой глаза в пламени свечи казались желтыми, будто радужные оболочки плавали в меду.

– Пойдемте со мной, мадам. Я покажу вам, в чем дело.

Она повернулась и стала удаляться, унося мерцание свечи с собой. Теперь, после мига просветления, тьма казалась еще более пугающей. Изнуренной Элси почудилось, что она слышит звук еще чьих-то шагов, крадущихся за ней.

– Я здешняя экономка, миссис Бейнбридж. А зовут меня Эдна Холт. Хотелось бы познакомиться с вами при более традиционных обстоятельствах, но тут уж ничего не попишешь, – у экономки был приятный мягкий голос, говорила она почтительно, не растягивая так ужасно слова, как Мейбл. Элси шла на звук голоса, тонкой ниточкой соединявший ее с миром реальности, уводящий от жуткой фантасмагории, созданной ее воображением. – Я надеюсь, вам стало немного лучше, мадам? Я слышала, вам нездоровилось.

– Да. Да, мне нужен был только сон. Но потом, – скребущий звук заглушил ее слова. Он шипел и скрежетал, а миссис Холт между тем, дойдя до конца коридора, остановилась перед деревянной лестницей.

Что это может быть? Циркулярная пила на фабрике изда-

вала отдаленно напоминающий звук, но звучал он более отрывисто, дробно. Этот же был протяженным, тягучим. Словно что-то медленно, медленно рвали.

Что-то вновь скользнуло у нее по ногам, слегка щекотнув. Элси чуть не вскрикнула. Маленькая темная тень метнулась вперед, к лестнице.

– Миссис Холт! Вы видите это? – рядом с дверью у подножия лестницы материализовались две светящиеся зеленым точки. У Элси перехватило дыхание. – Господи помилуй!

– Я знаю, – ласково промолвила миссис Холт. Но на Элси она не смотрела – ее взгляд был прикован к двери. – Я знаю, Джаспер. Угомонись и ступай вниз.

Будто пелена упала с глаз – Элси увидела, как небольшой черный кот вприпрыжку спускается по лестнице, не отставая от миссис Холт. *Кот*. Никогда еще она не чувствовала себя так глупо.

– Я полагаю, это крысы возятся, мадам. Или, может быть, белки. Какие-то грызуны с острыми зубками. Они сводят с ума бедняжку Джаспера.

Утробно мурлыкая, кот обежал вокруг женщин, словно беря их под свою защиту. Боками и хвостом он задевал их юбки.

– Нужно, – Элси снова обрела голос, – послать туда кого-то посмотреть. Причину шума необходимо устранить.

– Ах, мадам, не так-то все просто, – свободной рукой миссис Холт вытянула висящую на поясе связку ключей и под-

несла к глазам. – Мансарда была заперта много лет назад, еще до меня. Ни один из этих ключей к замку не подходит.

– Вы хотите сказать, что туда невозможно проникнуть? – Экономка кивнула. – Значит, нужно взломать дверь топором. Я не могу смириться с тем, чтобы эти твари беспрепятственно там резвились. Подумайте, что они могут натворить – подгрызть балки, на которых держится здание! И тогда, в одночасье, дом может обрушиться.

От ее дыхания пламя свечи заплясало. Ей не было видно выражение лица миссис Холт.

– Не расстраивайтесь, мадам. Они не причинят больших разрушений. Я стала слышать их только в последние несколько недель. Только с тех пор, вообще-то, как приехал хозяин.

Они обе замолчали. Элси внезапно вспомнила о теле, лежащем тремя этажами ниже – возможно, точно под ней, под ее ногами на холодных плитках. Она обняла себя за плечи.

– А что сказал мистер Бейнбридж по этому поводу?

– То же, что и вы, мадам. Он собирался написать в Торбери Сент-Джуд, чтобы прислали человека… Не знаю, написал ли.

Ненаписанные письма, несказанные слова. Руперт словно покинул бал в середине танца. Ей до боли недоставало его. Ах, если бы он вернулся – каким простым сразу стало бы все, он снял бы с ее плеч непосильную ношу.

– Хорошо, миссис Холт, утром я зайду в библиотеку и по-

стараюсь в этом разобраться. Если ничего не обнаружу, напишу письмо сама.

Экономка молчала. Когда же заговорила, голос ее звучал бесконечно мягко – она будто ласкала Элси словами.

– Прекрасно, мадам. А теперь я провожу вас со свечой до самой постели. Завтра нас ожидает долгий и утомительный день, Бог свидетель.

Элси на мгновение задумалась, что имеет в виду миссис Холт. Но тут же пришло понимание: здесь ждали только ее приезда. Завтра похороны Руперта.

У нее подкосились колени. Твердой рукой миссис Холт проворно подхватила ее под локоть.

– Держитесь, мадам.

Элси внезапно увидела себя со стороны – в ночной сорочке, мокрой от пролитого супа и соуса, язычок кота, вылизывающего ей ноги. Отталкивающая картина.

Она вспомнила о беспорядке, который устроила у себя в спальне, потом о неприятном разговоре с Джолионом. Веки отяжелели и опускались против воли.

– Думаю, вы правы, миссис Холт. Лучше мне вернуться к себе и лечь.

* * *

Небо было холодным, пронзительно-синим, без единого облака. Резкий ветер без устали ворошил кроны деревьев.

По дорожкам рассыпалось конфетти из зеленых, желтых и бурых листьев, хрустящих под колесами с трудом продвигавшегося по ним экипажа. Элси была поражена тем, как далеко ей все видно, даже сквозь траурную вуаль. В воздухе не летали хлопья сажи, как в Лондоне. Ни смог, ни угольно-черный дым не приглушали света. Это ее бодрило.

– О да, самый подходящий день для Руперта, – вздохнула Сара. – Хлопотливый и ясный, как и он сам.

Длинное, лошадиное ее лицо выглядело еще хуже прежнего. После бессонной ночной вахты у тела Руперта она побледнела, под глазами появились мешки.

Элси пожалела, что сама не осталась у гроба. В Большом холле, на самом нижнем уровне дома, царапающий звук ее не потревожил бы – ведь Сара не упоминала, что слышала его. Да и Руперт заслуживал подобного прощального бдения. Она не от равнодушия пренебрегла своим долгом. Но, вынашивая под сердцем младенца, она вынуждена, проявляя разумный эгоизм, больше заботиться о своем комфорте.

Элси прильнула к окну. При солнечном свете местность выглядела лучше. Она приметила лиственницу и вяз среди орешника, скачущую по дорожке белку. Зверек замешкался, поднявшись на задние лапки, проводил взглядом похоронную процессию и взмыл на ближайшее дерево.

Первым прибыл торговец пером, держа над головой поднос с черными плюмажами. За ним появился распорядитель с жезлом. Траурная лента ниспадала с его шляпы ниже пояса.

– Ты все устроил для него наилучшим образом, – Элси сжала руку Джолиона, пытаясь растопить возникший между ними лед. – Я так благодарна.

– Он заслуживал большего.

Гроб на похоронных дрогах блестел в солнечных лучах. Бедный Руперт, он заперт навсегда в этом безотрадном месте. Отойти в вечность рядом с этой унылой церквушкой с наполовину сломанным шпилем. Выходя замуж, Элси не сомневалась, что вечность им с Рупертом предстоит провести вместе, погребенным бок о бок. Возможно, теперь этот план придется пересмотреть.

Когда процессия остановилась, Элси испытала облегчение, увидев, что ни один из жителей деревни не рискнул приблизиться к окну, хотя ее это и удивило. У нее дома похороны были зрелищем. Здесь, видимо, они казались событием вполне заурядным.

Джолион подхватил трость.

– Пора.

Взмахнув полами черной накидки, он спустился по лесенке и подал руку сначала Элси, а потом и Саре.

Ступив на землю, Элси пошатнулась, чувствуя себя неуверенно и зыбко, как ветка на ветру. Она не знала, как ей вести себя.

Ма заходилась в рыданиях, когда умер Па. Вспоминая ее безумные вопли и всхлипы, Элси почувствовала себя никудышной женой. Она не могла плакать. Она проводила свои

дни, стараясь подальше отодвинуть от себя известие о смерти Руперта, как оттолкнула бы кинжал от горла. Подсознательно она чувствовала, что, если позволит ему вонзиться, то не выдержит острой боли осознания. Все это время она не ощущала ничего, кроме оцепенения и тошноты.

Окаянная Сара принялась всхлипывать сразу, как только оперлась рукой на подставленный локоть Джолиона. Вид ее слез вызывал у Элси необъяснимый гнев.

– Мистер Ливингстон, миссис Бейнбридж, мисс Бейнбридж. Мои искренние соболезнования.

Элси сделала реверанс, здороваясь с викарием. Сквозь сетку вуали она разглядела молодого человека с грязными светлыми волосами. Длинный нос и крупный подбородок позволяли предположить в нем человека из приличной семьи, хотя его воротничок был уже не первой свежести.

– Прежде я имел удовольствие встречаться только с мистером Ливингстоном. Позвольте представиться: Андервуд. Ричард Андервуд, – он говорил учтиво, четко выговаривая каждый звук. Что общего у такого человека с убогим Фейфордом? Разве благодаря связям он не мог подыскать для себя чего-то получше? Когда он положил руки на молитвенник, а затем прижал его к груди, Элси заметила на рукавах сутаны дыры. – Теперь, леди, я должен спросить, по силам ли вам участие в службе? Нет ничего предосудительного в том, чтобы побыть в доме.

Сара тут же с новой силой залилась слезами.

– Ну, ну, мисс Бейнбридж, – сказал Джолион. – Вы можете… вы будете… словом, прислушайтесь к совету мистера Андервуда. Не лучше ли вам остаться в коляске? – он беспомощно оглянулся на Элси в поисках поддержки. Она с трудом удержалась от улыбки. Ведь только вчера, кажется, упрекал сестру в недостатке чувствительности, а что же теперь?

Мистер Андервуд подошел ближе.

– Дражайшая мисс Бейнбридж, ободритесь. Обопритесь на мою руку.

Он оттеснил Сару от Джолиона с такой деликатностью, что Элси лишний раз убедилась: перед ней действительно джентльмен. Медленно он повлек Сару куда-то в сторону.

– Вы можете посидеть в доме викария, пока не соберетесь с силами. Моя служанка приготовит для вас чай. Соли? У вас есть при себе нюхательные соли?

Сара что-то, задыхаясь, ответила, но Элси не разобрала слов.

– Очень хорошо. Сюда, пожалуйста, – его домом оказалась одна из непривлекательных лачуг, жавшихся к краю кладбища. Едва ли такое жилище приличествовало священнику. Элси почти забеспокоилась о том, выдержит ли Сара в такой убогой обстановке до конца службы – казалось, в таком месте ничего не стоит подцепить какую-то заразу. – Этель, сходи за стулом. Будь добра, позаботься об этой леди. Приготовь ей сладкий чай.

В дверном проеме появилась костлявая карга с беззубым

ртом.

– Но это же последний…

– Я все знаю, Этель, – резко оборвал викарий. – Делай, как я сказал.

Ворча, старуха пропустила Сару в дом и закрыла дверь.

Мистер Андервуд с невозмутимым видом вернулся к ним.

– Вы очень добры, сэр. Благодарю, – сказал Джолион.

– Не стоит благодарности. Миссис Бейнбридж, а вы в себе уверены?

– За ее нервы я готов ручаться собственной жизнью, – ответил за нее Джолион.

Андервуд взглянул на нее с интересом. Глаза у него были большие и широко раскрытые, но со странно нависшими веками: казалось, викарий не смотрел, а пронзительно вглядывался.

– Отлично. Тогда, миссис Бейнбридж, я попросил бы вас пройти к входу в церковь и встретить гроб. Его внесут первым, следом войдут скорбящие.

Элси кивнула. Это было единственное, на что она сейчас была способна.

Носильщики подняли гроб на плечи и двинулись вперед. Под черный бархатный покров пробрался ветер, и материя хлопала в такт шагам. Герб Бейнбриджей появлялся урывками: вспышки голубого, золота, опять голубое, золото, потом секира.

Элси уцепилась за рукав Джолиона.

– Я должна присесть.

Вдоль дорожки к двери церкви выстроились выщербленные надгробные плиты с топорными надписями на них. Сразу на трех надгробиях кряду значилось имя *Джон Смит*, причем даты на них отстояли одна от другой не больше чем на два года. Дальше, за розовым кустом, стояли два камня с надписью *Джейн Прайс, 1859* на обоих.

Элси шла, не поднимая глаз. Она не хотела видеть, как люди выходят из своих экипажей, не хотела встретить их сочувственные, изучающие взгляды. Всего несколько месяцев назад она шла в другой процессии, нарядная, в шелке и кружевах, с веточкой мирта, сопровождаемая перезвоном свадебных колоколов. Она смотрела на свое белое платье и думала о том, что старая дева мисс Ливингстон ушла навек – а здесь стоит миссис Бейнбридж, вновь сотворенная, новорожденная.

Прах к праху, пепел к пеплу. Как быстро повернулось колесо фортуны. Женщина, идущая в церковь за гробом – кто она теперь? Ливингстон, Бейнбридж? Возможно, ни та, ни другая. Возможно, это особа, с которой Элси не хотела бы знаться.

* * *

– Чудесная была служба, – толстый джентльмен взял ее руку и прижал к своим усам. Они отдавали табаком.

– Да. Действительно – чудесная, – повторила она в тысячный раз. – Благодарю, что приехали. Прошу вас, возьмите памятную карточку, – высвободив перчатку из его потной ладони, она вложила туда карточку с черной окантовкой. Затем повернулась к следующему гостю.

Как нелепо они выглядят: эти господа из Сити с безукоризненным крепом на шляпах, уверенными голосами, сигарами, сгрудившиеся вместе на обветшалом, полуразрушенном кладбище. *Что* они подумают о родовом гнезде семейства Руперта и его фабричной супруге?

Солнце побледнело, став светло-желтым, а она все еще прохаживалась рядом с вереницей незнакомцев, благодаря их. Раздавала жизнь Руперта, сжатую до сухого перечня фактов на строгой однотонной карточке.

На добрую память
о Руперте Джонатане Бейнбридже,
ушедшем из жизни 3 октября 1865 года
на сорок пятом году жизни,
погребенном в фамильной усыпальнице
при церкви Всех Святых, Фейфорд
MEMENTO MORI

Джолион добросовестно играл свою роль, переходя от группы к группе, принимая соболезнования. Это именно *к нему* они приехали – лишь немногие были знакомы и с ней.

Заметит ли хоть кто-то из них, вздумай она потихоньку покинуть это собрание? Может, и правда ей лучше уйти отсюда и поискать свою старую подругу, ту тощую коровенку. Это несчастное создание, по крайней мере, проявило к ней хоть какой-то интерес.

Элси немного постояла, устремив рассеянный взгляд вдаль сквозь сеточку вуали. На деревьях перекликались птицы, названий которых она даже не знала. Жирные, назойливые, они походили на лондонских голубей, разве что цвета другого, светло-коричневые. И другие – наглые черные падальщики. Грачи? Галки? Вóроны? Она никогда их, в сущности, не различала. Одну она все-таки узнала – сорока что-то прострекотала у входа на кладбище. Кобальтовая полоска на ее хвосте словно показывала направление – на самую бедную могилу: покосившуюся, замшелую и поросшую чертополохом.

– Вас заинтересовали надгробья, – голос прозвучал неожиданно, заставив ее вздрогнуть. Обернувшись, она обнаружила у себя за спиной незаметно подошедшего мистера Андервуда. Сложенные руки он прятал под стихарем – то ли замерз, то ли прятал дыры на рукавах.

– Да, меня они удивили. Поразительно много одинаковых имен, как мне показалось.

Викарий вздохнул.

– О да. И что бы я ни толковал своим прихожанам, все остается по-прежнему. Люди… Да что там. Я не стану ни-

чего приукрашивать для вас, миссис Бейнбридж. Вы и сами видите, в каком состоянии деревня. У людей не осталось надежды. Они не надеются даже, что их младенцы выживут, вот и дают им одни и те же имена повторно. Вон там, – он протянул руку и указал в ту сторону, где Элси раньше видела могилки двух Джейн Прайс. – Эти две девчушки жили в одно время. Старшая хворала, а младшенькая родилась слабенькой. Умерли они одна за другой с разницей в месяц.

– Какой ужас. Бедные малютки! Но родители, по крайней мере, почтили их память, установив надгробья.

– Слабое утешение.

– Вы полагаете? А вы когда-нибудь бывали в Лондоне, мистер Андервуд?

Он нахмурил лоб.

– Случалось. До того, как я принял сан.

– Тогда вы, наверное, видели и кладбища? Шахты двадцать футов глубиной, один гроб поверх другого, до самой поверхности. Жуткие места. Я слышала, что там могут потревожить тело, даже расчленить его, чтобы освободить место для свежих трупов. Поэтому я сказала бы, что это благодать – лежать на собственном участке земли и под плитой с именем, пусть даже заимствованным. Родители способны на куда худшие вещи.

Викарий смотрел на нее внимательно, заново оценивая.

– Несомненно.

Элси сочла, что прилично будет сменить тему.

– Горничная рассказала мне, что прямо в моем доме обнаружили чей-то скелет, много лет назад. Не знаете ли вы случайно, мистер Андервуд, был ли он похоронен здесь же, на погосте?

– О каком скелете вы говорите?

Она недоуменно мигнула.

– Я вас не понимаю.

– Их было… несколько, – признался викарий. – Но это ведь очень старый дом, миссис Бейнбридж. У вас нет причин для опасений.

Теперь слова Мейбл обрели более определенный смысл. Глупо было бы со стороны прислуги уносить из дома ноги из-за одного-единственного скелета. Но можно было понять поведение девушек, если их отпугнули многочисленные находки: кому же захочется, выполняя свои обязанности по дому, наткнуться на горку костей.

– Я не опасаюсь, просто… удивлена. Мой покойный супруг почти ничего не знал об истории собственного имения.

– Как странно. Во время и после Гражданской войны[2] имение пустовало. Позже, в Реставрацию[3], семья начала возвращаться. Ненадолго, однако. В семействе Бейнбриджей было печальное обыкновение терять наследников, и дом ча-

---

[2] Гражданская война в Англии – имеется в виду ряд конфликтов между сторонниками Карла I и сторонниками парламента с 1642 по 1652 год.

[3] Реставрация Стюартов – восстановление в 1660 году на территории Англии, Шотландии и Ирландии монархии, ранее упразднённой указом английского парламента от 17 марта 1649 года.

сто переходил вторым сыновьям, а те так никогда и не являлись сюда, чтобы заявить свои права.

– До чего все это безысходно.

– Дела их не пускали, как я полагаю. – Он снова сложил руки. – В архивах Торбери Сент-Джуд об этом имеется много записей. Я был бы рад предоставить вам некоторые из них, если вас это интересует.

Судя по его рассказу, история имения походила на низкопробный бульварный роман ужасов. Меньше всего Элси сейчас хотела сказок о смерти и скелетах. Но мистер Андервуд смотрел на нее так искренне и серьезно, что отказаться у нее не хватило духу.

– Вы очень добры.

Они помолчали, рассматривая надгробия. На могилах не было ни единого цветка. Только заросли чертополоха. Его лиловые соцветия уже увядали, превращались в легкие пушистые комки семян.

– Наверное, миссис Бейнбридж, мне пора сходить за вашей кузиной и доставить ее сюда, к вам, – нарушил молчание викарий. – Уверен, с ней все обойдется.

– Да. Я тоже на это надеюсь. Благодарю вас, – Она склонила голову, а он зашагал прочь. Волосы викария развевались, и пряди на висках были светлее остальных.

Пролетела сорока. Элси поглядела на навес у входа, где сидела птица, думая о малютках Джейн Прайс. Вуаль трепетала на ветру, и ей казалось, что надгробия качаются. Машут

ей.

* * *

Элси проснулась в скверном настроении. Уже вторую ночь она не высыпалась. Доводящее ее до исступления *ш-ш-ш* началось опять – правда, на сей раз продолжалось не более часа. Наконец это прекратилось, но ей было не по себе, и она лежала, размышляя о том, как бы помочь деревне, и вспоминая о бедняжке Руперте в ледяном склепе.

Постель без него казалась слишком просторной. Хотя Элси была не из числа тех жен, что спят, прильнув к мужу, однако было что-то успокаивающее в присутствии рядом Руперта и даже в том, как он изредка поворачивался, заставляя кровать поскрипывать. Он словно бы охранял ее. Без него половина матраса оставалась холодной и даже пугающей. Так много свободного места – и неизвестно, кто или что воспользуется возможностью пробраться под одеяло.

Утром горничная не явилась, так что Элси сама, без посторонней помощи оделась и даже умудрилась закрепить шпильками вдовий чепец, прежде чем спуститься вниз.

Рассказ мистера Андервуда ее растревожил. Должно же быть что-то, думала она, что она могла бы сделать для Фейфорда. Она пока не видела в деревне детей, но, если судить по состоянию коровы, и ребятишки там тоже, видимо, кожа да кости. Трудно даже представить, насколько ужасна

их жизнь… Однако, учитывая страх жителей деревни перед Бейнбриджами и скелетами, вряд ли ей стоит врываться в их дома с корзинкой еды и снисходительной улыбкой. Может быть, лучше…

В воздухе заплясали какие-то пушинки, заставив Элси закашляться. Она остановилась и глянула вниз, в лестничный проем. Своей черной юбкой она подняла целое облако чего-то – пудры, порошка? – непохожего на обычную пыль. Более густого. Она присела, потерла между пальцами щепотку. Частички были светлыми, желтоватыми, довольно твердыми.

Элси поднесла пальцы к носу. Ее ноздри затрепетали, ощутив запах, который на миг вернул ее в прошлое, на фабрику. Острый, чистый аромат: льняное масло. А следом другой запах – более сильный, пряный. Она чихнула. Конечно же – это были опилки.

Здесь?

Опилки, фосфор, стремительное вращение циркулярной пилы…

Поспешно стряхнув с себя опилки, Элси подхватила юбки, стараясь, чтобы на ней не осталось и следа этой гадости.

Может, все дело в потолочный балках: они, должно быть, крошатся, рассыпаются от старости, как и всё в Бридже. Не забыть бы потом расспросить об этом миссис Холт.

Она выпрямилась, но лестница вдруг поплыла под ногами – у нее закружилась голова. Чувствуя близкий обморок, она

прислонилась к перилам и, еле передвигая ногами, сползла по ступенькам вниз. *Дышать, дышать*.

Иногда с Элси такое случалось – незначительная мелочь могла унести ее назад, в прошлое, пробудить воспоминания и мгновенно превратить ее в насмерть перепуганное дитя.

В ушах гулко билась кровь. Кое-как добравшись до Большого холла, Элси глубоко прерывисто вздохнула. Здесь она чувствовала себя в безопасности.

Прошлое уже и без того достаточно отняло у нее – она не позволит ему вторгаться в ее взрослую жизнь.

Она открыла дверь слева от камина и вошла в столовую. Джолион и Сара уже сидели за столом красного дерева. Парчовая обивка на стенах, желтая, как одуванчики, бросала отсвет на их лица, придавая коже нездоровый оттенок. Когда Элси вошла, оба они сняли салфетки с коленей и встали.

– А, вот и ты, – Джолион промокнул губы. – Боюсь, мы начали без тебя. Не были уверены, что ты спустишься.

Прозвонили старинные часы, стоявшие у стены.

– Полагаю, я должна жить, как обычно, – у нее дрогнул голос. Она осела на стул, подставленный ей Джолионом – как раз вовремя.

Прислуга жалась к буфету – убогая горничная Мейбл и женщина постарше, вероятно Хелен. Эта была жизнерадостная толстуха, с не сходящим с круглого лица ярко-алым румянцем – не иначе как результатом долгих лет стояния над чанами с горячей водой. Из-под чепца на висках выбивались

ярко-рыжие пряди. Элси на вид дала ей лет сорок.

Старшим над служанками был высокий седовласый мужчина. При взгляде на него возникало подозрение, что он ни разу в жизни не улыбнулся.

Джолион разлил кофе, а Хелен тем временем подала яичницу-болтунью на тосте с селедкой. Однако от запаха опилок Элси все еще мутило. Она взяла вилку и поковыряла дрожащую яичницу.

– Мисс Бейнбридж как раз рассказывала мне о том, как проводила время в домике викария, – приподняв фалды фрака, Джолион занял свое место рядом с Элси.

Сара покраснела до корней своих жидких волос.

– Разве не любезно с его стороны, миссис Бейнбридж, было позаботиться обо мне? Несмотря на то, что он был так занят?

– Да.

– Он произвел на меня впечатление человека незаурядного, – заметил Джолион. – Полагаю, он рожден не для службы в церкви. Уж во всяком случае, не в фейфордской.

– О да, – закудахтала Сара, охваченная симпатией к предмету их разговора. – Он родом из богатой семьи, но ушел из дома ради того, чтобы трудиться и делать добро. Отец оставил его без единого пенни, но у него были небольшие сбережения. На них он и живет здесь, в Фейфорде. Приходилось ли вам слышать о подобном благородстве?

Элси положила кусочек в рот и стала медленно жевать.

Это было ошибкой – скользкое яйцо вызвало рвотные позывы.

– С вами все хорошо, миссис Бейнбридж?

– Да, да. – Она поднесла к губам салфетку и незаметно выплюнула кусок. – Ну, а как ваше самочувствие? Вы оправились от вчерашнего недомогания?

– Да, благодарю вас. Сегодня я чувствую себя окрепшей.

– Рада это слышать. Думаю, на вашу долю пришлось слишком много похорон после кончины миссис Крэббли и ваших родителей.

– Ах, это так, – Сара сделала глоток чая. – Правда, на погребении миссис Крэббли я не присутствовала. Она была поразительно консервативна в некоторых отношениях и перевернулась бы в гробу, узнав, что на ее похоронах была женщина. Но мои родители… – Сара смолкла, уставившись в чашку.

– Руперт почти ничего не рассказал мне о ваших родителях, – осторожно сказала Элси.

– О, я едва ли смогу рассказать вам больше. Мне кажется, что Руперт знал их намного лучше, чем я. Они отослали меня к миссис Крэббли, когда мне было восемь лет, чтобы я постепенно привыкала быть компаньонкой. Мы, видите ли, никогда не были богаты, наша ветвь семьи. Была какая-то ссора между моим дедушкой и его отцом. Поэтому мы все работали. Родителям не хватало времени, чтобы заниматься мной, – Сара сделала еще глоток, точно чай придавал ей

сил. – А потом их не стало. И хоронить их было не на что. Я бы так и не смогла их похоронить, если бы не Руперт… Он всегда был так добр ко мне, – внезапно охрипшим голосом продолжила она. – Ах, если бы…

В замешательстве Элси схватила вилку и отломила кусочек селедки. Она начала жалеть, что так пренебрежительно обращалась с бедной девушкой. Сара, может быть, глупа, как пробка, но она страдала.

– Мне так жаль.

Джолион прочистил горло.

– Мы понимаем, мисс Бейнбридж. – На Элси он старался не смотреть. – Мы тоже лишились родителей в раннем возрасте.

Сара замотала головой, так что из пучка выбились волосы.

– Не стоит долее на этом задерживаться. Но теперь вы понимаете, почему я так благодарна мистеру Андервуду и его прислуге за заботу обо мне. Вы знаете, что мистер Андервуд поделился со мной последней щепоткой своего чая? Я чувствовала себя ужасно, принимая эту жертву. У него в шкафу почти пусто. Только немного сахару и совершенно нет молока!

– Молоко! – Элси торжествующе нацепила кусок сельди на вилку. – Конечно, вот решение. Вот как я могу помочь деревне! Джолион, ты должен все разузнать. Я собираюсь взять корову.

Джолион поперхнулся своим кофе. Служанки у буфета

пришли в движение.

– Какую корову?

– Ту корову, которую я видела по дороге сюда. Несчастное животное, вид у нее был такой, словно ей немного осталось. Чем больше я ее вспоминаю, тем больше уверяюсь, что она взывала ко мне о помощи. Я куплю эту корову, вылечу ее и откормлю, и тогда она начнет давать молоко. Мы даже сможем делать сыр. Этот сыр и молоко я буду отдавать жителям деревни, даром.

– Какая ты смешная, Элси. – Брат поставил чашку на стол. – Почему просто не раздать деревенским еду?

– По моему мнению, это будет для них менее унизительно. Ты так не считаешь?

Джолион широко развел руками.

– Неважно, как считаю я. Ты вольна поступать так, как тебе заблагорассудится. Но тебе придется обсудить это с мистером Стилфордом – вот он – или с миссис Холт и попросить их все разузнать. Я же вечерним поездом возвращаюсь в Лондон.

– Сегодня вечером!

– Боюсь, что так. Потолковав с джентльменами на похоронах, я осознал, что дело настоятельно требует моего присутствия.

– Но… – Как может он бросить ее здесь, одну, с Сарой? – Когда ты вернешься?

– Нескоро, я полагаю, – Джолион поджал губы; Элси по-

няла, что он не обо всем может говорить в присутствии Сары. – Извини, Элси. Но я должен непременно вернуться в Лондон. Ради фабрики.

И разве могла она хоть что-то возразить на такой аргумент? Она, отдавшая этой фабрике так много?

– Конечно. Конечно. Я понимаю.

* * *

Когда коляска Джолиона съехала с гравийной дорожки, у Элси совсем опустились руки. Без него дом казался еще огромнее, еще пустыннее. Она слонялась по своей комнате и по летней гостиной, не находя, к чему себя приложить.

На небе клубились серые тучи. Ветер трепал деревья. Даже свет в доме был приглушенным и тусклым. Ей оставалось только слушать, как тикают часы, скрипят от ветра стены, да где-то внизу прислуга чистит камин.

Элси было неприятно оставаться в этом доме одной: ей все время казалось, что кто-то на нее смотрит. Кто-то чувствует все ее передвижения по дому, как она ощущает шевеление ребенка в своем чреве.

Это тяготило. Она нуждалась в обществе, все равно чьем. Проскучав часа два, она неслышным шагом пошла по бордовому коридору, мимо унылых мраморных бюстов, к комнате Сары.

Постучав один раз, она вошла и обнаружила, что Сара

уютно устроилась на кровати с книгой и котом миссис Холт, Джаспером. Комната была удивительно похожа на ее собственную – только, как и сказал Джолион, в зеркальном отражении. Деревья, которые размахивали ветвями за окном у Сары, горели золотом и бронзой, на стороне Элси они были медными и темно-красными.

– Ох! Миссис Бейнбридж, как неожиданно, – Сара сунула в книгу закладку и в смятении вскочила на ноги. Джаспер едва удостоил ее взглядом – своего места на кровати он не оставил. – Простите. Вам нужна моя помощь?

– Да. Собственно говоря, я хочу исследовать дом. И хочу, чтобы вы составили мне компанию.

– Исследовать? – карие глаза Сары округлились. – Но разве… я хотела сказать… полагаю, миссис Холт не против?

– Миссис Холт? При чем же здесь она? Это *мой* дом. Я могу поступать, как захочу.

– Да. Наверное, можете, – широкий рот Сары безвольно распахнулся. Возможно, она, как и Элси, осознала, что ее оставили без наследства. Но затем, судя по всему, Сару посетила новая, более вдохновляющая мысль, потому что она улыбнулась и продолжила: – Дом долгое время принадлежал моей семье. Он – единственное, что у меня от них осталось. Связь. Я тоже буду очень рада исследовать его.

Элси протянула руку в перчатке.

– Тогда в путь.

Сара заколебалась. Элси вспомнила, как в их первый ве-

чер здесь она предстала перед ней без перчаток: грубые ладони, похожие на куски сырой свинины. Однако она постаралась не выдать того, что все поняла.

– Чего вы боитесь?

Коротко вздохнув, Сара шагнула вперед.

Они начали с первого этажа. На поверку Бридж оказался намного просторнее, чем они могли себе представить. Казалось, он свернут, сложен внутрь себя. Пройдя на другую сторону Большого холла от камина, у которого Элси обогревалась в первый вечер, они обнаружили гостиную, облицованную темными деревянными панелями примерно до уровня плеч. Выше стены были оклеены сине-серыми бумажными обоями – их оттенок напоминал Элси увядшие васильки. Это была холодная комната, полная мраморных ваз и гобеленов.

– Кому захочется здесь находиться? – спросила она. – Бьюсь об заклад, работные дома и те декорированы более приветливо.

Гостиная соединялась с просторным, тускло-розовым салоном, набитым музыкальными инструментами. Облезлая арфа у окна словно пыталась выбраться на волю. Одна струна на ней была порвана. Элси подняла глаза на розовые гардины, не пропускавшие свет. Украшенный лепниной потолок напоминал глазурь на торте.

Сара подлетела к роялю, открыла крышку и нажала на клавишу. Вместе со звуком в воздух поднялась пыль.

– Я умею играть на пианино, – сообщила она. – Только

маленькие пьески. Миссис Крэббли они нравились. Я могу поиграть для вас сегодня вечером.

Можно представить, до чего отвратительно и одиноко чувствовала себя Элси, если она с радостью приняла предложение.

Далее следовала комната для карточных игр, в зеленых тонах. Со стены на них глядела голова оленя, рога которого, будто ветви дерева, отбрасывали длинные тени.

– До чего жуткий, – поежилась Элси, морщась.

– Вы в самом деле так думаете? – Сара всмотрелась в чучело. Мех был сильно загрязнен. Светло-рыжие ресницы, тщательно отделенные одна от другой, обрамляли вставленные в глазницы черные стеклянные шарики. – В этом есть определенная красота. Это гордое животное гнило бы в земле, а вместо этого красуется здесь, во всем своем величии. Сохраненное навсегда.

– Чтобы торчать в Бридже до скончания времен? Я ему не завидую.

Оленья голова означила конец этого крыла: дальше прохода не было, пришлось возвращаться через музыкальный салон и гостиную. Когда они вернулись в Большой холл, из обитой зеленой тканью двери со стороны прислуги вышла рыжеволосая служанка.

– Хелен! – Служанка резко остановилась, услышав голос Элси. – Ты ведь *Хелен*, верно?

Женщина молча кивнула и присела в реверансе, не в при-

мер более искусном, чем у Мейбл.

– Хелен, теперь, когда похороны позади, я хотела бы, чтобы на второй этаж вернули картины. Впрочем, это касается и всего дома. Мисс Бейнбридж и я хотим взглянуть на портреты. Вы сможете это сделать?

– Да, мэм.

– Превосходно.

Снова сделав реверанс, Хелен развернулась и скрылась за зеленой дверцей. Они услышали ее шаги за стеной – Хелен поднималась по винтовой лестнице. Сами Элси и Сара воспользовались более широкой лестницей, затянутой ковром, предназначенной для господ.

– Я видела здесь опилки, – Элси пристально вглядывалась в ступени. – Но сейчас их нет.

Второй этаж начался недурно, в медово-желтой гостиной, соединенной с бильярдной в западном крыле. Но по пути в восточное крыло Элси почувствовала, как ее охватила тошнотворная, гнетущая тоска. Какое-то шестое чувство подсказало ей, что они там увидят.

– О, смотрите-ка, мисс Бейнбридж! Как это прелестно! – Сара устремилась вперед, оставив ее стоять без сил, прислонясь к косяку. – Только полюбуйтесь, до чего же уютная детская!

Казалось, ребенок резвился в этой комнате еще вчера. Она была безукоризненна. Никаких признаков старения на обоях в цветочек, а коврик из яркой набивной ткани в крас-

ных и желтых тонах был тщательно выбит и промыт. В центре комнаты гордо возвышалась блестящая краской лошадка-качалка, серая, в нарядных белых яблоках. Сара толкнула ее и захихикала, когда игрушка качнулась на зеленых колесиках.

Элси огляделась. Лошадка была не единственной игрушкой. Вокруг миниатюрного столика, сервированного к чаю, были рассажены куклы. На полу рядом с ними расположился деревянный Ноев ковчег с животными. Перед камином – высокая ширма.

Поближе к очагу висела колыбель под пологом из легкой лимонно-желтой ткани. Рядом стояла кованая кроватка под лоскутным одеяльцем – для старшего ребенка. У Элси перехватило дыхание.

– Там сзади еще и класс для занятий, – прочирикала Сара.

– Мне кажется, для первого раза мы исследовали достаточно.

Она вернулась в галерею и, перегнувшись через перила, выглянула вниз, на Большой холл. Перед глазами у нее плясали серые и черные полотнища. Боже всемогущий, она не справится. С тем же успехом можно было предложить ей отправиться в Оксфорд и сдать экзамен. Она не сумеет быть обычной матерью обычного ребенка.

Все эти игрушки – живые картинки из детства. Возможно, это вызвало бы другие эмоции у того, кто рос в счастье и радости: воспоминания о том, как отец качал его на коле-

не, а мать поцелуями осушала детские слезы. Но у Элси это не вызывало ничего, кроме страха. Она боялась за ребенка. Боялась *самого* ребенка.

С Джолионом все обошлось, напомнила она себе. Но ему, мальчику, было проще. Что, если дитя Руперта окажется девочкой? Она не сможет полюбить девочку, похожую на нее. Для нее невыносимо было бы, не ужасаясь, смотреться в это зеркало собственного прошлого.

– Миссис Бейнбридж? – Сара незаметно подошла и встала рядом. – Вам нехорошо?

– Нет. Просто… устала.

– Завтра мы будем исследовать дальше?

– Уже мало что осталось осмотреть. Библиотека и летняя гостиная на том же этаже, что и наши спальни, и мы можем зайти туда в любое время. Вот разве только… – Элси нахмурила брови, вспомнив о мансарде. Та ночь и скребущий звук прямо за дверью, но вне пределов досягаемости. *Что* это было?

Она не верит, что это крысы – они не могли поднять такой шум. Ей необходимо узнать правду. Решительно подняв руку, Элси выдернула из-под чепца шпильку, высвободив два белокурых локона.

– Миссис Бейнбридж?

– Хотите посмотреть, как я буду взламывать замок?

* * *

При дневном свете ход на верхний этаж казался далеко не таким зловещим. Они шли другим коридором, не тем, по которому она недавно пробиралась вниз. Медного цвета плитки клацали под каблуками. Элси заметила сырые пятна и трещины, которых не разглядела на стенах раньше.

– Я вам не верю, миссис Бейнбридж. Вы шутите надо мной. Не думаю, что вы можете взломать замок.

Элси улыбнулась.

– Увидите. Я очень изобретательна.

Она повертела шпильку в обтянутых перчаткой пальцах. Давненько ей не приходилось такое проделывать. Сейчас на фабрике двери не запирали.

За ними раздались чьи-то мелкие шажки по плиткам. Элси оглянулась и увидела догоняющего их Джаспера.

– Вот умница, – Сара остановилась, чтобы подождать кота. Поравнявшись с ней, Джаспер потерся о ее ногу, шурша платьем девушки.

– Какая вы счастливица, Сара. Обрели здесь верного друга. – Странно, но у нее складывалось впечатление, что этот коридор нельзя пройти без кота. Возможно, он охраняет здесь что-то? Или его появление говорило, что где-то тут поблизости миссис Холт? Одно дело вскрывать замок на глазах у Сары, совсем другое – делать это в присутствии эко-

номки. – Идемте же. Скорее. Мы должны успеть, пока еще достаточно светло.

Она увидела дверь в конце коридора – к облупленному деревянному порогу вели три невысокие ступеньки. Дверь выглядела не слишком крепкой. Разве могла бы она сдержать белок или крыс? Их разбойничьи острые зубки давно уже сгрызли бы ее напрочь.

Элси уже собралась подняться по ступеням, когда Джаспер, громко мяуча, шмыгнул у нее под ногами. *Глупое создание!* У двери кот остановился, как в ту ночь, и, сверкая зелеными глазами, заворчал. Элси обернулась к Саре.

– Это даже хорошо, что он решил составить нам компанию. Миссис Холт думает, что там поселились какие-то грызуны. – Сара вздрогнула. – Не бойтесь. Они не причинят вам вреда. А кошка их быстро переловит.

– Боюсь, я не смогу на это смотреть. Я не переношу мышей.

– Хорошо. Тогда постойте здесь, пока я разбираюсь с замком. Потом мы с Джаспером войдем туда. – Она помолчала. Ей хотелось надеяться, что она не наткнется там на один из скелетов, о которых упоминал мистер Андервуд. – Признаюсь, мне очень любопытно посмотреть, что за твари там скрываются. Вы не поверите, до чего странные звуки они издают.

– О! Я тоже их слышала, ночью. Так *это* раздавалось отсюда? – Сара во все глаза смотрела на дверь. Было в выра-

жении ее лица что-то, от чего у Элси сжалось все внутри. – Возможно ли… возможно ли, чтобы животные *производили* подобный шум?

Джаспер мяукнул и поскребся в дверь. Этот звук был лишь бледным отголоском того *ш-ш-ш*, которое она слышала ночью. Тонкие белые линии легли поверх давних отметин, нанесенных им прежде.

– Джаспер. Отойди.

На нее взглянули загадочные изумрудные глаза, лапа замерла в воздухе. Затем кот еще раз царапнул дверь. Та со скрипом отворилась.

Сара попятилась.

– Смотрите! Не заперто.

Элси не могла поверить своему счастью.

– Миссис Холт собиралась вызывать слесаря из Торбери Сент-Джуд. Я не ожидала от нее такой расторопности, – Элси вернула шпильку на место под чепец. – Я хочу войти и все осмотреть.

Из-под двери не кинулись врассыпную никакие твари – добрый знак. Она поднялась по ступеням и, постояв рядом с Джаспером, заглянула внутрь. Ее встретил спертый, тяжелый воздух. Здесь не было ни крыс, ни белок, ни скелетов – только сундуки да старая мебель. Пыль покрывала все поверхности толстым бархатистым слоем.

– Сара, – позвала Элси, – здесь безопасно. – Она чихнула и закашлялась. – Очень пыльно, но вполне безопасно.

Она толкнула дверь, и та со скрежетом распахнулась. Элси ожидала, что Джаспер бросится, опережая ее, но вместо этого он поднял хвост трубой и отступил в коридор, туда, откуда они пришли. Она рассмеялась и снова закашлялась.

– Ах, эти кошки. Они ужасно капризны, вы не находите?

Элси вошла в помещение, сметая подолом пыль с четырех ступеней. Мансарда выглядела так, словно время в ней остановилось на века. По углам висела паутина, но в ней не бились насекомые – все они давно погибли и высохли. У дальней стены валялись часы, давным-давно переставшие отбивать время. Циферблат был помят, а стрелки торчали под неестественными углами. Под полотнищами небеленого холста угадывались очертания прямоугольных предметов – вероятно, портретов в рамах.

Элси подошла к стоящему у мутного оконца столу. На нем были свалены в кучу книги с пожелтевшими страницами. Пыль полностью скрыла заглавия. Одним пальцем Элси принялась сдвигать верхние тома. До тех, что лежали ниже, пыль не добралась. Трактаты и книги по садоводству двухсотлетней давности. Некоторые, в кожаных переплетах, походили на тетради для записей. «Полный травник» Калпепера и «Общая история растений» Джерарда.

– Сара, войдите! – громко крикнула она, стараясь не вдыхать пыль. – Здесь нет мышей. Но есть книги.

В дверной проем просунулась длинная физиономия Сары.

– Книги?

– Да, если их еще можно читать. Они совсем заплесневели! Кажется, некоторые валяются здесь со времен Нормандского завоевания[4], не меньше.

Сара, семеня, приблизилась к ней.

– О! Силы небесные, – она благоговейно принялась листать книги кончиками пальцев. Некоторые страницы были безнадежно испорчены сыростью, другие пожелтели и истончились, напоминая луковую шелуху. – Рецепты. Ингредиенты. Старые счета. Ах, посмотрите на это! Тысяча шестьсот тридцать пятый! В это трудно поверить! – Она осторожно сдула с обложки пыль. – «Дневник Анны Бейнбридж». Да он в двух частях! Боже, это, должно быть, одна из моих прабабушек!

– Не слишком выдающаяся, раз ее дневники пылятся здесь две сотни лет, – бросила Элси. Прежде чем шагнуть, она осторожно попробовала половицу. Дерево заскрипело, но выдержало. – Интересно, что под этим холстом? – И она отбросила полотнище в сторону.

Во все стороны полетела пыль. Обе женщины тут же начали задыхаться. Наконец воздух снова стал прозрачным, и они увидели кресло-качалку и небольшой ящик вроде тех дорожных аптечек, которые носят с собой врачи. Элси не замедлила его открыть. Внутри теснились прозрачные склян-

---

[4] Вторжение в 1066 году в Англию армии Вильгельма Завоевателя, герцога Нормандии.

ки с пробками.

– Должно быть, в семье был и аптекарь, – предположила она. – Осадок на дне… видимо, это были настои трав.

Прижимая тетрадь к груди, Сара обернулась.

– Позвольте и мне взглянуть, – она сделала два шага к Элси – и вдруг завизжала.

Элси выронила склянку, которую рассматривала. Она разбилась надвое, в воздухе запахло затхлостью и плесенью.

– Что? В чем дело?

– Там что-то есть… Глаза.

– О, не будьте смешной… – но у нее резко сел голос, когда она проследила направление взгляда Сары.

Кузина Руперта была права. Из дальнего темного угла мансарды за ними следили чьи-то зеленовато-коричневые глаза. Большую часть лица скрывало белое полотно, но Элси видела зрачки, с неестественной пристальностью вперившиеся в нее.

– Картина. Это всего лишь картина, Сара. Присмотритесь, она не мигает.

Элси стала пробираться в угол, спотыкаясь и отталкивая мешающие предметы со своего пути. Пыль покрыла ее платье, окрасив его в серый цвет, и бахромой повисла на подоле. Нарисованные глаза неотрывно следили за ее приближением, будто приветствуя старого друга.

Элси ухватилась за край холста, скрывающего картину, и попыталась стянуть его. Материя цеплялась за что-то, но на-

конец большой кусок с треском оторвался.

– О! – воскликнула Сара. – Это… это…

Это я, в ужасе подумала Элси.

Перед ними стояла девочка лет девяти-десяти. Нос пуговкой и губки бантиком. Глаза, манящие и дерзкие, словно предлагали подойти поближе. Она смотрела в лицо ребенка, которым она была когда-то: но эта девочка так и не повзрослела.

Как? У нее путались мысли. Перед ней было ее собственное лицо, и все же она не чувствовала с ней никакого сродства. *Уходи*, хотелось ей крикнуть. *Убирайся прочь, я тебя боюсь*.

– Это не картина, – сказала Сара. – Это написано маслом, но не по холсту, а по дереву. Кажется, она стоит самостоятельно. – Положив на стол книгу, она пробралась к фигурке и заглянула ей за спину. – А, нет. Там внизу стойка, видите?

Элси пришла в себя и, оторвав взгляд от лица нарисованной девочки, разглядела ее всю целиком. Ростом ей до талии, как настоящий ребенок, фигура была одета в оливковое шелковое платье, отороченное золотой тесьмой. На талии был повязан матерчатый фартучек. Волосы у нее были не светлые, как у Элси, а темно-рыжие, уложенные на голове в подобие пирамиды и украшенные оранжевой лентой и бусами. На согнутой в локте руке девочки болталась корзинка с розами и травами. Другой рукой она прижимала к сердцу белый цветок. Девочка была не из этого столетия, возможно,

даже не из предыдущего.

– Замечательно, – Сара положила руку на плечо фигуры. С годами краски выцвели, на дереве появились царапины и потертости. – Как будто кто-то вырезал эту фигуру из картины и приклеил на деревянную основу.

– Она… Она вам никого не напоминает?

Сара прикусила нижнюю губу.

– Немного. Глаза. Должно быть, она принадлежала к семейству Бейнбриджей. Ничего удивительного, что она чуть-чуть похожа на Руперта.

– Руперта? – недоверчиво переспросила Элси. Но потом и сама это увидела: ненавязчивое, как тихий шепот, это сходство не бросалось в глаза, а просачивалось сквозь облупившуюся краску. *Она похожа на меня и Руперта*. У нее защемило сердце. Вот как, возможно, будет выглядеть ее дитя?

Сара пробежала пальцами по деревянному обрамлению руки.

– Она прекрасна. Мы должны взять ее вниз. Давайте поставим ее в Большом холле. Вдвоем мы сможем ее поднять. Если мы… Ох! – Она отпрыгнула. В ладонь ей воткнулась острая щепка. – Ай.

– Идите сюда, – Элси бережно взяла руку Сары в свои обтянутые перчатками пальцы. – Стисните зубы. Раз, два – три!

Заноза вышла наружу. На руке осталась царапинка с несколькими каплями крови. Сара поднесла ее ко рту.

– Эти древности рассыпаются в руках, – сказала Элси. –

Лучше оставить их как есть.

– О нет, миссис Бейнбридж, умоляю! Она такая милая, мне очень хочется иметь ее в доме!

Элси передернула плечами.

– Что ж, тогда придется попросить слуг перенести ее, – неохотно предложила она. – Кожа у них потолще.

За их спинами заскрипели половицы.

– Тьфу ты, пропасть!

Элси повернулась к выходу. У двери лежала горничная Мейбл, ее широкая юбка разметалась по полу.

– Царь небесный, Мейбл, что ты делаешь?

– *Я-то* ничего не сделала! Доска просела, и моя нога провалилась вниз.

– Да как же это! – забыв о собственной ране, Сара кинулась на помощь. – Тебе больно? Ты чувствуешь свою лодыжку?

– Еще бы я ее не чувствовала! Болит, как про́клятая! – от резкой боли Мейбл застонала – Мисс.

Элси и Сара с двух сторон подхватили Мейбл под мышки и рывком подняли, освободив ногу. Из отверстия в полу пахну́ло смрадом, мокрым пеплом и разложением.

Усевшись на пол, Мейбл согнулась и потерла лодыжку.

– Даже чулок порвала. Хорошо еще, ногу насквозь не пропорола.

– Нужно позвать на помощь миссис Холт, – решила Элси. – Я уверена, у нее найдется снадобье для ноги. А что ты

здесь делала, Мейбл, выслеживала нас?

Мейбл уперлась подбородком в грудь. Вид у нее сейчас был еще более упрямый, чем обычно.

– Я ничего дурного не хотела. Эта дверь всегда была заперта, с тех пор как я здесь. Любопытно стало посмотреть, что там внутри. А потом я услыхала, как мисс Сара кричит, вот и все. Подумала, может, ей надобна помощь. Вот и получила, вместо благодарности, – добавила она с обидой.

– Я очень благодарна, – торопливо сказала Сара. – Дайка я оберну твою рану подолом юбки. Прижми и держи так, пока тебе не наложат настоящую повязку. – Она действовала очень аккуратно, но Мейбл все равно стонала. – Как удивительно, что ты оказалась рядом именно сейчас! Мы с миссис Бейнбридж как раз собирались позвать тебя. Хотели, чтобы ты помогла нам снести вниз нашу находку.

– Какую находку?

Сара ткнула пальцем в деревянную фигуру. Мейбл вгляделась и шарахнулась.

– Ох, чтоб тебя! Это что ж такое?

– Мейбл, – Элси нахмурилась. – Я сожалею, что ты пострадала, но это никак не извиняет твоего сквернословия. Прошу тебя не забывать, в чьем обществе ты находишься.

– Извините, мэм, – пробормотала девушка, хотя раскаяния в ее голосе не было слышно. – Я просто… мне никогда не приходилось прежде такого видеть. Это что, картина?

– Нет. Нам кажется, что это своего рода украшение для

комнаты. Стоячая фигура. Не статуя и не картина, а что-то среднее.

– Мне она не нравится, – насупилась Мейбл. – Смотрит на меня нехорошо. У меня от ней мурашки бегают, вроде того.

– Вздор, – сказала Элси. – Она ничем не отличается от портретов, что висят в коридоре.

– Нет, она другая, – настаивала Мейбл. – Злая. Не нравится мне.

Элси почувствовала озноб. Ей и самой фигура казалась зловещей, но признаваться в этом служанке не хотелось.

– Не обязательно, чтобы тебе нравилось. Твое дело – помочь мне и мисс Саре перенести ее, да еще почистить.

Мейбл поджала губы. Словно придя ей на помощь, сквозь материю, прижатую к лодыжке, проступило новое пятнышко крови.

– Сейчас-то мне не до чистки, видите?

Элси вздохнула.

– Пожалуй, лучше попросить об этом Хелен.

* * *

Хелен, упершись руками в широкие бедра, разглядывала деревянную фигуру. Она щурилась от пыли так, что вокруг глаз выступили морщинки.

– Это что-то новое, мэм?

– Новое? – отозвалась Элси. – Нет, я предполагаю, что эта

вещь очень старая.

– Ах, мэм, я хотела сказать, новое в доме. Хотя, кажется, у господина было что-то вроде этого.

Плечи Элси вздрогнули, как от судороги. Слышать, что о Руперте говорят вот так, словно он еще жив.

– Мне он никогда не рассказывал ни о чем подобном. В Лондоне у нас таких фигур не было, разве что он нашел ее здесь… Хотя – я что-то не видела в доме другой подобной, а ты?

Хелен пожала плечами и подхватила фигуру.

– Не могу сказать точно, мэм.

– Так что же заставило тебя предположить, что у мистера Бейнбриджа было нечто подобное?

– Он был хороший человек, мэм, мистер Бейнбридж, – заговорила Хелен, с фигурой на плече обходя дыру в полу и протискиваясь в дверной проем. – О нем никто слова дурного не скажет. Он иной раз любил поболтать со мной, когда я прибиралась в библиотеке. Вот как-то он и начал мне рассказывать о фигурах из Амстердама. Сказал, что ищет, что написано про них в книжках.

Выйдя в коридор, Элси приподняла юбку и вжалась в стену, пропуская Хелен вперед.

– В самом деле? Представить не могу, с чего такая тема вдруг могла его заинтересовать.

– Я тоже, мэм. Я не спросила, потому что подумала, что у него, может, есть такая фигура.

Руперт всегда отличался живым, пытливым умом. Именно это качество привело его на спичечную фабрику Ливингстонов. Его вдохновляла идея прогресса и новых изобретений. Элси не знала, что он также интересовался и прошлым.

Услышав рассказ Хелен, Элси ощутила, как ослабевает ее напряжение, вызванное мыслью о переносе вниз странной деревянной девочки. Рядом с этой вещью Элси чувствовала себя неуютно, но… это была еще одна ниточка, связывающая ее с Рупертом. Он способен согреть ей душу, внушить симпатию и к деревянной кукле, даже если сам никогда не открывал мансарду.

– Мистер Бейнбридж не говорил тебе, что это были за фигуры, Хелен?

– Он называл их компаньонами. Безмолвными компаньонами.

Элси скривила губы и выглянула в коридор, где Сара поддерживала хромающую Мейбл.

– Вы это слышали, Сара? Хелен называет фигуру компаньонкой! Миссис Крэббли могла сэкономить деньги. Вашу породу вот-вот заменят деревянные статуи.

– Ах, какая вы злючка! – рассмеялась Сара. – Я бы многое дала, чтобы посмотреть, как деревяшка будет взбивать и поправлять подушки, читать стихи, играть на пианино и готовить кашку. Если она все это умеет, я бы и сама от такой не отказалась.

Хелен натянула рукава до самых костяшек пальцев и под-

хватила компаньонку под мышку. Фигура повисла в горизонтальном положении, будто лишилась чувств.

– Сюда, – показала Элси. – Мисс Сара хочет поставить ее в Большом холле. Помните, подальше от огня. Она может встречать гостей у входа.

– Гостей, мэм?

Элси поморщилась.

– Да, ты права. Не думаю, что в ближайшее время нам следует кого-то ожидать.

– О! – Перед ними в коридоре выросла Сара. – Миссис Бейнбридж, можно попросить вас на минутку вернуться?.. Я забыла захватить дневники. Когда с бедняжкой Мейбл случилась беда, у меня совсем вылетело из головы прихватить второй том. А мне не терпится почитать историю моих предков.

Элси оглянулась через плечо. Ей совсем не улыбалось бегать туда-сюда. День был длинный, и она изрядно утомилась.

– Это не подождет? Я… – она замерла, не договорив. Мансарда была закрыта. Но она не слышала звука затворяющейся двери. Элси нахмурилась. – Хелен! Я попросила тебя оставить дверь в мансарду открытой. Видит бог, это помещение необходимо хорошенько проветрить.

– Я не закрывала, мэм.

– Как не закрывала? А кто же это сделал, по-твоему?

Хелен надула красные щеки.

– Извините, мэм. Я не помню, чтобы затворяла дверь.

И *где* только миссис Холт набрала такую прислугу?

– Я *сама* пойду и открою ее, – вздохнула Элси, – заодно принесу тетрадь для мисс Сары.

– Огромное вам спасибо, я просто не нахожу слов! Если вы сможете занести ее в мою комнату, я буду очень признательна! – трещала Сара. – Возможно, там имеются записи о визите Карла I! Я отведу Мейбл и уложу в постель. А если вам вдруг встретится миссис Холт…

– Я пришлю и ее тоже.

Элси в раздражении почти побежала назад к мансарде, кринолин подпрыгивал, как на пружинках. Какой прок считаться хозяйкой дома, если все приходится делать самой?

Помня, что в прошлый раз Джаспер открыл дверь, коснувшись ее лапой, Элси, подойдя, протянула руку и толкнула ее. Рука наткнулась на преграду, от удара пришла отдача в плечо. Хмыкнув, Элси повторила попытку, надавив сильнее. Дверь не шелохнулась.

– Что? – она потянулась к дверной ручке и стала дергать ее из стороны в сторону. Та не поворачивалась. – Проклятье.

Видно, замок снова заклинило – потому и раньше дверь не удавалось открыть. Все же нужен слесарь, чтобы заменить механизм, а то и вовсе поставить новую дверь. Еще одно дело, которым предстоит заняться.

Утомленная всем этим Элси доплелась до лестницы и начала долгий спуск на нижний этаж. Она чувствовала себя нездоровой. Видно, все дело в самом доме: он давит на нее

непосильным грузом. Сейчас она поговорит с миссис Холт и после этого сразу ляжет отдыхать.

В Большом холле она увидела Хелен, пытающуюся пристроить компаньонку у окна.

– Вот, решила поставить ее сюда, – улыбнулась служанка, – получается, как будто выглядывает и встречает вас.

Она склонила голову к плечу, вглядываясь в фигуру.

– А она немножко на вас смахивает, мэм.

При ярком освещении сходство деревянной девочки с Элси *действительно* было заметнее. От этого ей сделалось не по себе.

– Немного. Не странно ли? – в последний раз бросив на девочку взгляд, Элси направилась к западному крылу и, открыв обитую зеленым сукном дверь, оказалась в помещении для прислуги.

Воздух здесь был густо пропитан запахами супа, гари и перекаленного масла. В глубь дома лабиринтом уходили коридоры с голыми стенами и каменным полом, тусклая масляная горелка едва освещала путь.

На двери комнаты миссис Холт красовалась надпись белыми буквами: *Экономка*. Элси постучалась – за день она уже второй раз стучала, прося позволения войти, и это в собственном доме.

– Войдите.

Элси протиснулась в комнатушку, атмосфера которой живо напомнила ей о гороховом супе. Единственная лампа на

столе отбрасывала слабый свет на бумаги миссис Холт. Экономка, сидевшая на простом деревянном стуле, повернулась и, увидев госпожу, вскочила на ноги.

– Ах, миссис Бейнбридж! Какая неожиданность. Милости прошу, проходите.

На маленьком столике был накрыт чай, чашки были синие с белым. Элси с облегчением села. Она слишком стыдилась своей усталости, чтобы попросить пить, но мечтала, чтобы миссис Холт сама догадалась предложить ей чаю.

– Я как раз собиралась с вами поговорить, – говорила между тем миссис Холт, прибирая на столе бумаги. – Из Торбери Сент-Джуд только что привезли продукты, и я хотела обсудить с вами составленное мною меню.

– Я уверена, что вы все сделали прекрасно. Мы будем вести очень тихую жизнь, мисс Сара и я, пока не вернется мистер Ливингстон.

– Я предполагала, что так будет, мадам. Но это не причина, чтобы не получать удовольствия от еды.

– Совершенно справедливо. Собственно, миссис Холт, раз уж я здесь… Мне хотелось бы кое-что с вами обсудить.

– Что именно, мадам?

Миссис Холт смотрела на нее своими выцветшими, пожелтевшими глазами, только и всего – так почему же Элси померещился на ее лице отблеск адского пламени? Элси облизнула губы, не зная, с чего начать. Мне нечего стыдиться, напомнила она себе. Дитя было зачато не в грехе, что бы кто

ни думал.

– Скоро нам потребуется… больше прислуги. А Мейбл считает, что никто из жителей Фейфорда не согласится на работу в этом доме?

– О. – Морщины на лице экономки обозначились резче. – Все это очень, очень непросто, мадам. Между деревенскими и семейством существует давняя распря – она тянется, полагаю, со времен Гражданской войны. Они уверяют, что одна из хозяек дома была ведьмой – словом, какой-то вздор в этом роде.

Элси рассматривала скатерть и вышитые на ней букетики мелких цветов. Когда Мейбл сказала ей, что деревенские боятся дома, она подумала о привидениях или нежити, никак не о ведьмах. Но всем известно, что в те дни женщин нередко за любую мелочь могли обвинить – и обвиняли – в ведовстве.

– Вы хотя бы пытались нанять кого-то из Фейфорда, миссис Холт?

– О да. Но, видите ли, семья Робертсов начала вставлять мне палки в колеса. Один из Робертсов в начале века служил здесь лакеем, и с ним произошел несчастный случай.

– Что еще за *несчастный случай*?

Миссис Холт прижала руку к груди и поправила брошь-камею.

– Никто в точности не знает, как это случилось. Бедняга упал с галереи прямо в Большой холл. Сломал шею, разумеется. Ужасная трагедия. Но Робертсы, даже спустя столько

лет, настаивают, что его столкнули.

– Кто?

– Ну… тогдашний хозяин вскоре после этого потерял супругу. Так, ходят слухи, что тот лакей, Робертс, был ее воздыхателем… Сами знаете, как это бывает, – миссис Холт повела в воздухе рукой, похожей на куриную лапку. – Ревнивый муж решил отомстить.

– Честное слово, местные жители, кажется, живут только россказнями, да все про нас.

Миссис Холт улыбнулась.

– Деревенщина, мадам. Надо же им чем-то развлекать себя долгими зимними вечерами. Но не переживайте из-за этого. Я не сомневаюсь, что мы найдем где-нибудь прекрасных работников и для дома, и для сада.

– Будем надеяться. – Элси прокашлялась и продолжила: – Видите ли, у меня имеется причина быть разборчивой в подборе персонала. Скоро… я хотела сказать, скоро придет весна, и… я имею основания надеяться, что… – кровь бросилась ей в лицо. Деликатного способа сообщить о своем положении она не находила.

– Уж не хотите ли вы сказать… Господи, миссис Бейнбридж, вы пытаетесь мне сказать, что вы в тягости?

В тягости. Много лет Элси не слышала этого выражения – довольно вульгарного, но сейчас именно оно помогло ей справиться с собой.

– Да. Ребенок должен появиться на свет в мае, – она по-

чувствовала себя неловко, увидев, что на глаза пожилой женщины навернулись слезы. Смутившись, она торопливо продолжала: – Мне потребуются няни, а также новая горничная для меня самой. Я собираюсь съездить в Торбери Сент-Джуд и посетить там бюро найма. Вы ведь там нашли Мейбл и Хелен?

Миссис Холт открыла рот. Затем закрыла.

– Я… я ведь не могла предложить большого жалованья, мадам. А поместье так запущено, ведь господа не жили здесь постоянно, для девушек никакой перспективы продвижения… – она беспокойно ерзала на стуле. – Словом, я предпочла взять в услужение девушек из работного дома, мадам.

– Из работного дома, – задумчиво повторила Элси. Ну конечно, это многое объясняло. – Я полагаю, они и обучения не проходили?

Миссис Холт зарделась.

– Хелен училась – и служила горничной.

– А по какой причине она ушла с прежнего места?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.